

Милена Кушкина

Проклятый скрипач
Голос за любовь

Милена Кушкина

**Проклятый скрипач.
Голос за любовь**

«Автор»

2026

Кушкина М.

Проклятый скрипач. Голос за любовь / М. Кушкина — «Автор», 2026

Она была певчей в священной обители, но обменяла голос на свободу и возможность последовать за любимым, чьи чувства растаяли, как морская пена. Он — скрипач, который продал душу, чтобы стать самым успешным музыкантом из ныне живущих. Они оба нарушили обеты и столкнулись по дороге на конкурс, где победитель получит исполнение самого заветного желания.

© Кушкина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	39
Г	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Милена Кушкина

Проклятый скрипач. Голос за любовь

Глава 1

Нам запрещалось смотреть на людей, для которых мы поем.

Голоса певчих принадлежали обители, и услышать их мог каждый, кто входил в ее врата. Но сами мы оставались скрыты от посторонних глаз за резной перегородкой.

Девушки из хора соблюдали это правило неукоснительно. До того дня, когда по другую сторону решетки появился он.

Впрочем, еще утром мы не думали, что нарушим самый главный запрет.

Мы знали лишь, что новый наследник Ардена наконец прибыл в свои владения и первым делом пожелал посетить обитель. Так сказала госпожа Эстара.

Селин же утверждала, что первым делом новый лорд успел осмотреть замок, сменить управляющего и поссориться со старейшиной ближайшей деревни.

– Если он уже кого-то выгнал и с кем-то поссорился, значит, успел почувствовать себя здесь хозяином, – заключила она. – Лебезить не будет.

– Не болтай попусту, – одернула ее Тиана.

– Я делюсь важными сведениями, – надула губы Селин.

– Сведения обычно откуда-то получают. А мы сидим тут безвылазно, – огрызнулась Тиана.

— У меня есть осведомители, – добавила Селин с важным видом. – Прачка рассказала.

– Тогда это не сведения, а сплетни, – одернула ее Тиана. – А это грех!

Мы сидели в комнате певчих перед потемневшим от времени зеркалом. По его краям тянулись черные пятна, похожие на следы длинных пальцев. Они появлялись снова, сколько бы госпожа Эстара ни натирала его.

Зеркало отражало шесть певчих в белоснежных одеждах. За годы жизни в обители мы стали ближе, чем сестры.

Мирена, самая старшая, распевалась у окна, приложив ладонь к груди. Оделия с закрытыми глазами повторяла слова своей партии. Флори пыталась вытащить застрявшую в волосах костяную шпильку и едва не плакала. Тиана затягивала шнуровку на моем платье, а Селин сидела на краю стола и делилась сведениями, полученными от прачки, поваренка и, судя по некоторым подробностям, от пролетавшей мимо птички.

– Говорят, ему двадцать семь, – продолжила она. – И он приехал с самого севера.

– С запада, – поправила Оделия, не открывая глаз.

– Значит, с далекого запада. Там холодно, дуют ужасные ветра и мужчины носят мех даже летом, – Селин активно жестикулировала, показывая, какого размера мантия должна быть на плечах молодого господина.

– Сейчас лето, – заметила Тиана. – Он не станет надевать меховой плащ.

Селин вздохнула и посмотрела на меня.

– Лирель, скажи ей! Красивый молодой наследник обязан явиться в мехах и золоте. Иначе зачем вообще наследовать огромное состояние? Чтобы проводить годы в постах и молитвах, как мы?

Я улыбнулась, хотя слушала их вполуха. Две моих лучших подруги не в первый раз устраивали спор.

– Не затягивай так сильно, – попросила я Тиану. – Я не смогу вдохнуть.

Тиана ослабила шнуровку. Но платье певчей все равно держало форму, будто это был доспех.

Годы шли, а наши платья оставались одинаковыми: белыми, будто излучающими свет, с плотным корсетом, узкими рукавами и высокими воротами. В этих нарядах мы были похожи на люминаров — прекрасных небесных созданий.

– А еще говорят, лорд Люсьен красив, – произнесла Селин мечтательно.

– Этого уж наша прачка тоже не могла знать, – заметила Тиана.

– Его видела сестра ее мужа! – упиралась Селин.

– У прачки нет мужа.

– Значит, я перепутала, и это сестра ее брата...

Тиана открыла было рот, но я рассмеялась первой.

– Сестра брата, ты серьезно?! – воскликнула я сквозь слезы.

Но Селин и не думала обижаться.

– Все равно он красив, об этом все знают! – воскликнула она, прыгнула со стола и закружилась по комнате.

Она схватила меня за руки и потянула за собой.

– Мне все равно, красив ли он, – сказала я.

В эту минуту дверь открылась.

Госпожа Эстара Вейл бесшумно вплыла в комнату. Он кинула лишь взгляд, и мы с Селин остановились, будто ноги наши были не в силах больше сделать ни шага.

Старшая хора никогда не повышала голоса. Ей это было не нужно. Разговоры смолкали при одном шелесте ее тяжелого черного платья.

Наставница была высокой, сухощавой женщиной с прямой спиной и седыми волосами, которые заплетала в тугую косу. В обители не знали ее возраста. Иногда мне казалось, что госпожа Эстара родилась вместе с этими стенами и однажды вместе с ними обратится в пыль.

Она поправила воротник Флори, вытащила шпильку из ее волос и безжалостно пригладдила выбившиеся пряди. Затем вытерла невидимое пятно с рукава Оделии, велела Мирене не перенапрягать голос перед церемонией и подошла ко мне.

– Открой рот.

Я послушалась. Задавать вопросы не полагалось.

Госпожа Эстара прижала два холодных пальца к моей шее и строго взглянула.

– Пой, – приказала она.

Я послушно взяла несколько нот, которые мощным потоком взвились под потолок.

– Чисто, – наконец произнесла она.

Мое сердце радостно забилося.

– Сегодня ведущую партию исполнит Лирель, – продолжила наставница.

От ее слов все внутри снова сжалось.

Селин первой схватила меня за руку. Тиана накрыла наши пальцы своей ладонью.

– Да, госпожа, – проговорила я онемевшими губами.

– Сегодня у нас будет особенный гость. Новый лорд не знаком с нашими порядками, – продолжила госпожа Эстара. – Поэтому вы должны помнить их вдвое крепче. Не приближаться к перегородке. Не пытаться рассматривать гостей. Не отвечать, если кто-нибудь обратится к вам. После песнопения сразу вернуться в жилое крыло.

Ее взгляд задержался на Селин.

Та изобразила такое смирение, что даже Оделия закатила глаза.

– Певчая не ищет внимания, – напомнила госпожа Эстара. – Она отдает голос высшим люминарам, а они сами решают, чьего сердца коснется благодать.

Мне нравились эти слова. Я часто представляла, как песня поднимается под каменные своды, проходит сквозь них и становится частью чего-то огромного, недоступного челове-

скому слуху. Иногда ночью мне чудилось, будто обитель поет сама. Низко, едва слышно, словно по стенам вибрация шла..

Госпожа Эстара снова подошла ко мне.

– Не волнуйся, – тихо произнесла она. – Пой так, словно там никого нет.

– Я всегда так пою, – ответила я. – Все, как вы учили.

Она посмотрела мне в глаза дольше обычного, но больше ничего не сказала.

Колокол ударил трижды.

Пришло время идти.

Мы вышли из комнаты, выстроились в шеренгу и направились по крытой галерее в большой зал.

Каменные плиты охладили ноги даже сквозь подошвы туфель. За узкими окнами колыхались темные ветви кипарисов, закрывая небо. Сквозняк принес запах сырого камня и смешал его с тяжелым ароматом белых цветов, которыми украсили обитель к приезду важного гостя.

Впереди шла госпожа Эстара с тяжелым фонарем. Мы двигались за ней по одной: Мирена, Оделия, Тиана, я, Селин и Флори. Мы были словно тонкие свечи, которым предстоит осветить темноту обители и погаснуть, превратившись в каплю растаявшего воска.

Певческие хоры находились высоко над главным залом, прямо напротив возвышения, на котором горели священные огни. Звук проходил над головами прихожан и возвращался к нам отраженным от каменных сводов.

К центральным хорам вела узкая винтовая лестница.

Мы поднимались по ней вслед за госпожой Эстарой, придерживая подолы платьев. Чем выше мы оказывались, тем отчетливее слышали собравшихся внизу: сдержанный шепот, скрип скамей, шелест дорогой ткани.

Это был единственный шанс разглядеть гостей, и мы смотрели, жадно запоминая любую деталь, чтобы потом смаковать ее и перебирать в памяти, словно красивые ракушки, собранные на морском берегу.

На боковых галереях уже стояли мальчики из детского хора. Они выстроились в шеренги по десять с каждой стороны. Их никто не скрывал. Они носили темные камзолы с серебряной тесьмой и открыто смотрели на прихожан.

Мальчиков принимали в хор совсем юными, а когда голос начинал ломаться, отправляли домой и заменяли другими.

Иногда я завидовала им именно поэтому. Они знали, что однажды покинут обитель.

Нас же прятали за высокой резной перегородкой, словно в клетке, подвешенной под самым потолком.

В темном дереве деревянной решетки были вырезаны ветви, птицы и цветы с острыми лепестками. Узор был настолько плотным, что снизу можно было заметить лишь смутные движения белых пятен.

Изнутри мы тоже почти ничего не видели.

Сегодня мое место находилось в центре, там, где резные створки сходились и между двумя деревянными листьями оставалась щель шириной с палец.

Я встала перед ней и положила ладони на живот, как учила госпожа Эстара. Вдох на четыре удара сердца. Потом медленно выдохнуть.

Справа от меня заняла место Селин, слева — Тиана. Мирена, Оделия и Флори встали чуть позади. По обе стороны от нас темнели боковые галереи с мальчишескими хорами, а далеко внизу ожидали прихожане.

Только ложа для почетных гостей находилась пугающе близко.

Она была чуть впереди и на один уровень ниже певческих хоров.

Если смотреть прямо, мы не могли увидеть сидящих там гостей. Но стоило приблизиться к краю перегородки и посмотреть прямо под собой, то можно было увидеть затылки важных гостей.

Мужской голос произнес что-то громче положенного, и ему ответили еще несколько, уже тише.

Тиана нахмурилась и приложила палец к губам.

– Он просто не знает наших обычаев, – прошептала Селин. – Но в этом нет ничего такого...

Госпожа Эстара шикнула на нас и вышла из клетки для певчих птиц, чтобы запереть ее снаружи на тяжелый ключ. После она спустилась в ложу под нами.

– Признаться, я ожидал увидеть певчих, – сказал кто-то совсем рядом. – Столько слышал о них!

В зале стало так тихо, что я услышала потрескивание свечей.

– Голоса певчих открыты каждому, милорд, – ответила госпожа Эстара. – Их лица принадлежат обителю.

– Какая жалость.

Мне вдруг отчаянно захотелось узнать, кому принадлежит этот голос.

Селин стояла справа от меня. Ее рука коснулась моей, чтобы привлечь внимание, а после палец незаметно указал на небольшой просвет между деревянными листьями.

Тиана заметила это движение.

Она едва слышно выдохнула:

– Не смейте!

Селин ее не послушала. Она потянулась вперед и прильнула к решетке.

Ее глаза расширились, а губы беззвучно сложились в восторженном возгласе.

Любопытство оказалось сильнее всех наставлений госпожи Эстары.

Я сделала полшага к перегородке. Всего полшага. И посмотрела туда, откуда не сводила взгляда Селин.

Люсьен Арден стоял прямо напротив нас. Мы сразу узнали его по подобострастным позам тех, кто стоял рядом.

Темный камзол сидел безупречно, на плече серебрилось крепление короткого плаща. Свет из высоких окон ложился на русые волосы и превращал их в золото. Лицо у него было открытое, а взгляд — человека, уверенного в собственной силе.

Он улыбнулся.

Эта улыбка была адресована не нам, а пожилому мужчине, что стоял рядом, согнувшись в поклоне.

И все же у меня перехватило дыхание.

До этого дня мужчины представлялись мне существами из песен. Они совершали подвиги, нарушали клятвы, уходили на войну, возвращались к любимым или погибали во славу люминаров.

Я знала о них достаточно, чтобы оплакивать их судьбы, о которых было написано в свитках.

Но ни один из них не казался мне настоящим.

Люсьен повернул голову.

Я не успела отступить.

Не знаю, мог ли он различить мое лицо среди резных листьев. Но на мгновение мне показалось, что наши взгляды встретились. Его улыбка исчезла, словно он тоже увидел нечто, чего не ожидал.

В этот момент первая нота взмыла под своды, и камень отозвался низким, протяжным эхом.

Я сделала глубокий вдох.

Шесть голосов потянулись друг к другу, переплелись и стали единым целым.

Я пела тысячи раз в этом хоре.

Наши песни звучали на рассвете и после заката, в дни рождения и смерти, во время дождей, засух и зимних бурь. Я пела перед знатыми и бедными, счастливыми и отчаявшимися.

И еще ни разу мне не хотелось узнать так отчаянно, кто же стоит по другую сторону перегородки.

Сегодня впервые захотелось.

Моя сольная партия приближалась.

Тиана умолкла первой. За ней Мирена, Оделия, Флори и Селин.

Мой голос остался один.

Он дрогнул на первой ноте, но я удержала ее, позволила подняться выше и наполнить зал. Звук стал сильнее, коснулся стен, прошел под сводами и вернулся ко мне уже другим — более глубоким, будто обитель приняла мой голос и отдала обратно преображенным, наполненным магией.

Наставница учила нас петь так, словно за перегородкой никого нет. Во всем мире должна была быть только певчая и ее голос.

Я нарушила все запреты прежде, чем закончилась первая строка моей песни.

Я пела для Люсьена Ардена.

Я не знала, что он любит, чего боится и почему улыбается так открыто. Но я видела, как он смотрит на перегородку.

Он не шевелился.

И мне казалось, что между нами протянулась невидимая нить. Мой голос проходил сквозь дерево, касался его и возвращался ко мне с каждым вдохом.

Последняя нота растаяла под сводами.

Несколько мгновений никто не двигался.

Один резкий хлопок расколол тишину, за ним второй. Люсьен аплодировал моей песне. Остальные гости неуверенно последовали его примеру, хотя в обители было не принято благодарить певчих рукоплесканиями.

– Кто исполнял сольную партию?

Я замерла.

Госпожа Эстара могла не отвечать. Наши имена не были тайной, но гости редко ими интересовались. Для тех, кто приходил слушать, мы оставались хором без лиц и отдельных судеб.

– Сегодня солировала Лирель, – произнесла она.

Люсьен повторил его:

– Лирель.

Так медленно, словно хотел запомнить не только звучание, но и вкус.

– Я желаю поблагодарить ее лично.

– Певчих можно слушать, милорд. Видеть их не дозволено.

Наставница предусмотрительно не открывала замок до тех пор, пока лорд и его приближенные не покинули ложу под нами.

Но как бы она ни пыталась, я уже увидела этот запретный плод и теперь жаждала его вкусить.

Глава 2

Раз в год мы получали право на свободу.

Всего на один день мы становились свободными и могли беспрепятственно бродить среди обычных людей. Многие навещали родственников, но у меня никого не было.

Даты выхода назначал настоятель, мы никогда точно не знали, на какой день выпадет это событие.

Обычно певчих отпускали в город в разные дни в зависимости от дня рождения.

Каково же было наше с Тианой удивление, когда мы узнали, что в этом году идем вместе.

– Сегодня очередь Тианы, – объявила Эстара. – Но вечером в городе намечается праздник, будет выступать один заезжий музыкант. Поэтому в качестве исключения Лирель пойдет вместе с тобой, Тиана.

Мое сердце забилося в радостном предвкушении. Это все не просто так! Что-то обязательно должно произойти.

– И нечего дуться, Селин, – строго произнесла наставница. – Ты выходила в город на празднование нового годового круга. Уж не тебе роптать по поводу решений настоятеля!

– Конечно, госпожа Эстара, – поспешила ответить Селин. – Мне не на что жаловаться. Я очень рада за девочек!

Наставница только головой покачала.

– Тиана уже была в городе без надзора, а вот для тебя, Лирель, это будет первый такой опыт. Хорошо, что вы будете вдвоем, – продолжила она.

– Вы не пойдете на праздник? – удивилась я.

– Не люблю шумные толпы, – ответила госпожа Эстара.

Я посмотрела на нее с недоверием. Как можно не любить праздники?!

– Праздник продлится до позднего вечера, но вам нечего бояться. Улицы будут освещены, – продолжила объяснять наставница. – На площади выставят стражу. Вы будете на виду, в полной безопасности. Главное — успеть вернуться до последнего колокола.

Она произнесла это так, словно отпускала нас не на праздник, а в место, где на каждом углу поджидала гибель.

– Мы все сделаем, госпожа Эстара, – заверила ее Тиана.

У нас не было простой одежды на случай выхода в город, слишком уж редко случались такие события. Поэтому мы шли в тех же самых белоснежных платьях, только теперь их дополнили темно-синие накидки.

Эстара проводила нас до ворот.

– Держитесь вместе, – велела она. – Не снимайте накидок. Не заходите в частные дома, гуляйте там, где многолюдно. И главное — не принимайте подарков от мужчин.

– Мы помним, – ответила Тиана за нас обеих.

– И еще вот, – наставница протянула мешочек, в котором звякнуло несколько монет. – Деньги вам не положены, но там же праздник. Купите себе сладостей.

– Спасибо! – я порывисто обняла добрую женщину, растроганная ее вниманием.

Но она только отмахнулась.

– Идите уж!

Когда тяжелые ворота обители открылись, я на несколько мгновений остановилась на пороге.

Никто не удерживал меня, не говорил, что делать и куда идти. Полная свобода.

Я оглянулась.

В окне второго этажа стояли Селин, Флори, Мирена и Оделия. Белые платья мерцали в сумраке, а темный проем вокруг них напоминал раскрытую пасть. Селин подняла ладонь. Флори помахала обеими руками.

Каждая из них мечтала сегодня оказаться на нашем месте. И точно так же мы будем завидовать, когда придет их время ненадолго покинуть наш мрачный дом.

Обитель стояла чуть в стороне на небольшом возвышении, а вниз спускалась вымощенная камнем дорога.

Взявшись за руки, мы с Тианой припустили в сторону города.

По обе стороны теснились дома с черепичными крышами. В распахнутых окнах трепыхались занавески, где-то плакал ребенок, торговцы нахваливали свой товар.

Город даже пах особенно. В обители ты четко различаешь запах, а здесь все смешалось, словно в большом разноголосом хоре.

Тиана схватила меня за руку.

– Не беги, – прошептала она взволнованно.

– Не бойся, я с тобой, – ответила я.

Чем ближе мы подходили к центру города, тем ярче становились улицы. Между домами протянули веревки с разноцветными бумажными фонариками. Над дверями горели стеклянные шары, наполненные золотым светом.

Мы кутались в плащи, чтобы белые одежды не так явно бросались в глаза и не привлекали к нам внимания. Но горожане смотрели все больше на праздник, чем на других гостей.

Уличные торговцы продавали яблоки в карамели, орехи в меду и небольшие пироги, которые удобно брать одной рукой.

Мне захотелось попробовать сразу все. Но Тиана не спешила тратить деньги на входе и потащила меня в гущу событий.

На площади музыканты били в барабаны. Рядом выступали акробаты, девушка глотала пламя, а высокий мужчина в маске доставал цветы из пустого рукава.

Хотелось запомнить каждую деталь, чтобы потом перебирать воспоминания, как маленькие сокровища в шкатулочке.

Я даже старалась моргать поменьше, чтобы не упустить ничего.

– Ладно, давай купим яблоки в карамели, – согласилась Тиана, пересчитав мелочь в кошельке. – Останется еще на вечер. Можно будет купить маленький сувенир на память.

– Как ты здорово придумала! – обрадовалась я. – Мне даже в голову не пришло, что можно отсюда что-то забрать в обитель.

– Я всегда так делаю, – с важным видом пояснила подруга. – Покупаю булавку или ленту, а потом ношу незаметно под платьем. Один раз принесла цветок и засушила его между страниц молитвенника.

– Но в обители же есть сад! – удивилась я. – Зачем нести цветок отсюда?

– Сад есть, – согласилась Тиана. – Но только я знаю, откуда этот цветок, и какие воспоминания с ним связаны.

Мы взяли яблоки и решили присмотреть какие-нибудь недорогие сувениры, которые не заметит строгая Эстара.

Я не стала тянуть, и сразу решила попробовать лакомство. Мягкая кислая мякоть яблока контрастировала с тягучей карамелью.

Настоящая буря вкуса!

Тиана же долго рассматривала свое яблоко, смотрела, как проходит через карамель солнечный свет. И только потом осторожно откусила и зажмурилась от удовольствия.

– Оделия была права, когда советовала ничего не есть, – сказала она.

– Почему? – удивилась я.

– Это так вкусно, что наверняка является одним из грехов.

– Не думаю, что за поедание яблока на празднике мы попадем в Нижний мир! – рассмеялась я.

Ближе к вечеру народу становилось все больше. Меня охватило странное волнение, будто я предчувствовала какое-то судьбоносное событие.

Я уже заранее знала, кого должна увидеть.

Мне казалось, что встреча с Люсьеном неизбежна. Высшие не могли позволить ему услышать мой голос, узнать мое имя, а затем просто исчезнуть из моей жизни.

Я против воли искала высокую мужскую фигуру с волосами пшеничного цвета среди толпы и даже не сомневалась, что смогу узнать, хотя и видела лишь мельком.

Наконец, я заметила его у центрального фонтана.

Новый лорд стоял в окружении важного вида мужчин.

Его камзол был темно-синим, почти одного цвета с моей накидкой. Эта случайность показалась мне знаком.

Я остановилась так резко, что Тиана врезалась мне в плечо.

– Что случилось? – спросила она взволнованно.

Я молча указала взглядом вперед.

Она посмотрела в ту сторону и тяжело вздохнула.

– Мы можем пойти другой дорогой, – предложила она.

– Зачем? – удивилась я.

– Потому что ты смотришь на него так, как недавно смотрела на яблоко!

– Не выдумывай! – я постаралась принять самый непринужденный вид.

Люсьен в этот момент повернул голову. Его взгляд скользнул по толпе и задержался на нас с Тианой.

Он что-то сказал пожилому мужчине рядом и направился напрямик к нам.

Сердце забило так сильно, что я испугалась, как бы оно не проломило ребра. Я ждала, что Люсьен узнает меня сразу. Что остановится, пораженный тем, что ощутил ту самую невидимую связь, которая вчера протянулась между нами.

Но он лишь вежливо улыбнулся и слегка поклонился.

– Вы же певчие? – спросил он. – Вам позволили посетить праздник? Кажется, ваша старшая мадам утверждала, что вы не можете покидать своей обители.

– Один раз в год певчие могут выйти в город, милорд, – ответила Тиана, скромно опустив взгляд.

– Значит, мне повезло оказаться здесь именно сегодня.

Он смотрел на нее, но Тиана старательно разглядывала носы своих туфель и не смела поднять глаз.

Взгляд лорда перешел на меня. Дрожь прошибла тело. Еще никогда я не стояла так близко с мужчиной и не смотрела ему в глаза так бесстыдно.

– Лирель, милорд, – произнесла я, присев в легком реверансе.

Он замер.

– Вы та самая певчая? Вчера... солировали вы?

Я кивнула.

Люсьен улыбнулся, и площадь сразу стала казаться ярче.

– Теперь я понимаю, почему обитель скрывает вас от посторонних глаз, продолжил он.

Я не нашлась с ответом. Лицо мое горело от смущения и восторга.

– Вчера ваш голос заставил меня забыть, что между нами стояла перегородка, – добавил он. – А сегодня я вижу, что от нас скрывают настоящие сокровища!

Он взял мою руку и коснулся губами пальцев.

Никогда прежде мужчина не прикасался ко мне.

От его дыхания по коже пробежала дрожь.

– Милорд! – окликнули его от фонтана.

Люсьен неохотно отпустил мою ладонь.

– Долг нового хозяина. Сегодня каждый желает донести до меня свою просьбу или пожаловаться на соседа, – на его благородном лице отразилась вселенская скука.

– Надеюсь, мы еще увидимся, Лирель, – произнес он.

Люсьен поклонился и вернулся к ожидающим его людям.

Я смотрела ему вслед. То место, которого он коснулся губами, все еще горело. Я накрыла его второй ладонью, чтобы как можно дольше сохранить тепло его губ на своей коже.

– Ах, если бы я могла сохранить это мгновение и сложить его в шкатулку со своими сокровищами! – вздохнула я.

– Он просто сделал тебе комплимент, – сказала Тиана как-то строго.

– Он хочет увидеть меня снова, – прошептала я.

Над площадью ударили в большой медный гонг.

Люди начали стекаться к деревянной сцене, установленной перед зданием городского совета. На крышах зажглись огни. Вечер окончательно вступил в свои права, и фонари поплыли над головами, словно низкие звезды.

– Начинается выступление, – сказала Тиана. – Посмотрим немного и пойдем обратно, чтобы не опоздать.

– У нас еще два часа, – вздохнула я, глядя на большие часы на ратуше.

Уходить совершенно не хотелось.

Мы нашли место недалеко от сцены. Люсьен занял возвышение справа, предназначенное для городских властей и почетных гостей. Рядом с ним сидели старейшины и несколько нарядных дам.

Это было очень удобно, ведь я могла смотреть на него совершенно спокойно, не привлекая к этому излишнего внимания.

По правде сказать, меня не особо-то и интересовало представление, на которое собрался посмотреть весь город.

На сцену поднялся распорядитель.

– Сегодня перед вами выступит человек, чья музыка звучала во дворцах и на полях сражений! Странник, которому рукоплескали короли и которого проклинали священнослужители! Музыкант, осмелившийся вызвать на поединок самого владыку Нижнего мира и получивший свой дар от повелителя моров!

Толпа притихла.

– Проклятый скрипач! – гаркнул распорядитель в полнейшей тишине.

Вопреки ожиданиям, он появился без вспышек огня, дыма или иных чудес.

Просто поднялся по ступеням.

Высокий мужчина в темной дорожной одежде. Плащ выгорел на плечах, сапоги покрывала засохшая грязь, на одном рукаве виднелся грубый шов. Длинные темные волосы были собраны на затылке в небрежный пучок, но несколько прядей падали на лицо.

На фоне украшенной цветами сцены он выглядел так, словно пришел на праздник с похороном.

Только скрипка в его руке была безупречна. Темное дерево отливало багровым, как кровь. По краям корпуса тянулась тонкая серебряная вязь. Смычок музыкант держал свободно и слегка взмахивал им в такт шагам.

По толпе пронесся взволнованный вздох предвкушения.

Скрипач поднял голову.

Его взгляд прошелся над толпой и устремился в даль.

В этот момент Люсьен поднялся со своего места.

– Погодите! – взмахнул он рукой.

Скрипач уже приготовился играть, но медленно опустил смычок.
Новый лорд оглядел его одежду.

– Неужели город не мог достойнее встретить знаменитого гостя?

Распорядитель растерялся.

– Милорд?

– После выступления выдайте музыканту двадцать золотых. Хорошему мастеру следует одеваться так, чтобы людям было приятно не только слушать его, но и смотреть.

Я бросила на Люсьена короткий взгляд. Какой же он благородный! Заметил нужду странника и предложил помощь, не дожидаясь просьбы.

Скрипач криво усмехнулся.

– Щедро, – произнес он.

Голос у него был низким, немного хриплым.

– За двадцать золотых лучший портной города оденет вас как человека, которого приглашают во дворцы, – продолжил Люсьен.

– Одежда, которая радует чужие глаза, редко бывает удобна в дороге, милорд, – произнес скрипач.

– Хороший портной сумеет угодить и вам, и окружающим, – произнес лорд и знаком отдал распоряжение слуге.

Скрипач не удостоил лорда ответом. Он молча поправил инструмент на плече.

– Оставьте золото себе, милорд. Посмотрим, смогу ли я впечатлить вас без праздничного платья, – сказал он, и в голосе его послышалась угроза.

Толпа вмиг умолкла. Казалось, люди даже дышать перестали.

Скрипач поднял смычок. Взмахнул им в воздухе и посмотрел новому лорду прямо в глаза.

Смычок коснулся струн.

Первая нота была тихой. Зрители замерли в предвкушении.

Скрипач провел смычком по струнам, и земля дрогнула.

Вдали залаяли собаки, с далекого поля черной тучей поднялись в небо вороны.

Движения смычка становились все быстрее, яростнее. Музыка отзывалась в груди, а ноги рвались в пляс.

Я заметила, что Люсьен отбивал ногой ритм.

Скрипач чуть заметно улыбнулся.

Музыка стала громче, настойчивее.

Сначала в пляс пустились дети. Потом женщины подхватили юбки, пары закружились по площади. Даже стражники начали переступать с ноги на ногу, пытаясь при этом сохранить серьезные лица.

Я сама с удовольствием приплясывала в такт этой дерзкой мелодии, которая была так непохожа на то, что мы исполняли в обители.

Тиана схватила меня за руку.

– Нам не положено танцевать! – прошептала она с ужасом.

Но ее ноги уже двигались.

– Да ладно! – воскликнула я. – Когда мы еще так повеселимся!

Я взяла подругу за руку и повернулась к ней лицом. Мы не сговариваясь сделали по шагу назад, затем снова сошлись.

Вокруг нас кружилась толпа. Люди смеялись, хлопали, и отплясывали в такт мелодии, которая становилась все злее. Мы думали, что веселимся по собственной воле.

Я попыталась остановиться.

Боль пронзила ступни, будто я встала на сотни ножей. Невидимая сила дернула за руки, заставляя продолжать.

– Лирель, – испуганно выдохнула Тиана.

Она тоже безуспешно пыталась остановиться.

Мелодия все ускорялась.

Я закрыла глаза и вспомнила вчерашнее песнопение. Я начала повторять слова про себя, пытаясь заглушить звук мелодии, которая неслась над площадью.

Вдох на четыре удара сердца, потом медленный выдох.

Ноги замедлились.

Я сбилась с мелодии скрипки и едва не упала, зато перестала кружиться.

Глаза скрипача сразу нашли меня в толпе. Его смычок дрогнул, а потом снова упрямо заскользил по струнам. Он порхал над скрипкой так быстро, что выбивал искры.

Порыв ветра дернул мою накидку.

Мелодия стала ниже, тяжелее. В ней появилось что-то такое, от чего огни в фонарях вытянулись и стали извиваться, словно языки неведомых тварей.

Гром расколол совершенно ясное небо.

Толпа ответила восторженными криками. Люди решили, что это часть представления.

Ветер усилился. Сорвал с веревки яркую ленту, закружил ее над площадью. За ней, словно птицы, взлетели бумажные салфетки. Фонари раскачивались в такт музыке.

Тиана тоже смогла прекратить танец. Она судорожно вцепилась в мою руку и прижалась к самому уху.

– Это все делает музыкант? – шепотом спросила она, взглядом указав на возвышение.

Я вновь посмотрела на сцену.

На лице скрипача застыла вымученная улыбка, глаза закрыты. Смычок двигался по струнам все быстрее.

Еще один удар грома прокатился над городом, в точности повторив ритм музыки. Небо ответило скрипачу так, словно играло свою партию в этом страшном концерте.

Молния вспыхнула ярко, освещая испуганные лица горожан.

Один за другим погасли фонари. Площадь провалилась в темноту, которую разрезали только далекие молнии и искры, что вылетали из-под смычка.

Грудь сдавило от ужаса, ноги стали ватными.

– Нам надо бежать! – прокричала Тиана и схватила меня за руку.

Я была с ней согласна, но не могла оторвать взгляда от пугающего представления.

Скрипач резко оторвал смычок от струн. Последняя нота завизжала под его рукой и оборвалась.

Люди остановились.

Кто-то упал, не в силах больше стоять на ногах. Послышались стоны и недоуменные возгласы.

А в следующее мгновение на площадь обрушился дождь такой силы, будто разверзлись небеса.

Сплошная стена воды смывала все на своем пути.

Ветер взревел между домами, перевернул торговый прилавок и со скрежетом протащил по камням обломок крыши. Лошади рвались с привязи, собаки выли.

– В обитель! Скорее! – закричала Тиана и дернула меня за собой.

Люди уже бежали в разные стороны, ища спасение от гнева стихии.

Я вцепилась в руку подруги, и мы двинулись вперед, стараясь избегать столкновений с другими людьми. Мокрая накидка липла к плечам и спине, вода заливала глаза.

Под ногами катились яблоки, обрывки бумаги и разбитые фонари.

Где-то за спиной треснуло дерево. Я оглянулась.

Сцена накренилась. Скрипач спрыгнул вниз и подхватил мальчика, оказавшегося под падающей балкой. Он толкнул ребенка к матери, а сам остался посреди площади, прижимая скрипку к груди.

Он даже не пытался укрыться!

Вспышка молний освещали его лицо, на котором застыла болезненная улыбка.

– Лирель! – Тиана дернула меня за руку. – Бежим!

Мы свернули к улице, ведущей к обители.

И тогда я увидела Люсьена.

Один из рухнувших столбов прижал его плащ. Люди из свиты уже разбежались, спасаясь от обезумевшей толпы. Люсьен пытался освободиться, но никак не мог дотянуться до плаща. Он выглядел, как мотылек, пришпиленный булавкой.

– Надо помочь ему! – я остановилась.

– Даже не думай! – воскликнула Тиана. – И без тебя справится!

Но я уже повернула обратно.

Ветер ударил в лицо. Я пригнулась, добралась до Люсьена и ухватила за тяжелый деревянный столб. Он не сдвинулся.

– Оставьте! – крикнул Люсьен. – Я сам! Надо просто снять этот дурацкий плащ!

Он дернулся. Серебряная застежка впилась ему в горло. На коже показалась капля крови.

– Сейчас! – воскликнула я.

Я вытащила костяную шпильку из своих волос. Пряди рассыпались по плечам, тут же прилипли к лицу.

– Не двигайтесь!

Острым концом шпильки я подцепила застежку. Пальцы скользили, ветер рвал плащ, а Люсьен продолжал что-то говорить. Я не слышала слов за громом.

Наконец застежка поддалась.

Люсьен дернулся вперед и схватился за горло. Злополучный плащ остался лежать в грязной луже.

– Да ты, верно, лишилась рассудка! – закричала Тиана и потащила меня вперед.

Мы побежали к обители. Я лишь раз оглянулась, чтобы убедиться, что лорд Арден в порядке.

Мы ворвались в ворота обители, мокрые и грязные. И замерли, пораженные невероятной переменой.

За воротами ревел ветер, вода потоками неслась по улице, деревья пригибались к земле. А во внутреннем дворе обители было тихо, лишь негромкий дождь стучал по старой черепице.

К нам спешила госпожа Эстара. Она оглядела нас и только губы поджала.

– Скорее идите и приведите себя в порядок. А потом спать! – строго сказала она.

В комнате певчих нас встретили так, словно мы вернулись из Нижнего мира и лично победили моров.

Флори вскрикнула при виде платьев, которые превратились в грязные тряпки.

Селин стояла немного поодаль.

Ее взгляд скользнул по моим распущенным волосам, порванной накидке и грязному подолу.

– Кажется, одной ночи не хватит, чтобы вы рассказали обо всем, что увидели сегодня.

– Это точно, – вздохнула Тиана, убирая мокрые волосы с лица.

Селин подошла ближе и заговорщицки подмигнула.

– А лорд Арден был на празднике?

Я почувствовала, как щеки снова становятся горячими.

– Был, – коротко ответила я.

Я сжимала в ладони застежку, которую помогла расстегнуть Люсьену. Это был мой самый главный трофей, который я унесла с собой. Мне казалось, что это еще одно подтверждение того, что наши пути пересеклись по велению Высших.

– Тиана права, мы очень устали, – сказала я. – Обо всем расскажем завтра.

Я поспешила переодеться и забралась в холодную постель. Стоило мне закрыть глаза, как я увидела широкую улыбку Люсьена, его взгляд. Я перебирала в памяти каждую крупницу воспоминаний.

Ладонь под подушкой сжимала его застежку.

А где-то за стенами обители тоскливо пела скрипка.

Глава 3

На следующий день Селин вознамерилась узнать правду.

– Расскажи, расскажи, ты видела лорда Ардена? – теребила она меня.

Я отмалчивалась целый день, но она поймала меня у органа после репетиции.

– Лирель, я вижу, как ты улыбаешься! – подруга заглянула мне в глаза. – Мы же обещали, что у нас не будет тайн друг от друга!

– Ладно, – вздохнула я. – Мне и самой хотелось поделиться.

Я оглянулась, чтобы убедиться, что нас не подслушивают.

– Он сам подошел к нам, – прошептала я.

У Селин округлились глаза, она прижала ладони к груди.

– Сам? – выдохнула она.

Я кивнула, чувствуя, как губы против воли расплываются в улыбке.

– Он стоял у фонтана. Вокруг столько людей, все чего-то от него хотели. А потом заметил нас, оставил их и подошел.

– Рассказывай!

Она потеснила меня на скамье перед органом и уселась рядом. Наши юбки зашуршали по темному дереву.

Я столько раз вспоминала эту встречу, что теперь растерялась. Хотелось рассказать сразу обо всем, но слова выходили какие-то простые и совсем не передавали того, что я чувствовала.

– Знаешь, вблизи он еще красивее, – призналась я. – Когда мы смотрели через решетку, я ведь почти ничего не разглядела. А там... Он стоял совсем рядом. Я даже видела, как у него возле глаз появляются маленькие морщинки, когда он улыбается.

Селин подалась ко мне.

– Лирель, ну не мучай! – она схватила меня за руку. – Что было дальше?

– Он обрадовался, – прошептала я. – Будто тоже хотел меня увидеть, а тут я сама оказалась перед ним. Понимаешь?

Она закивала с такой готовностью, что у меня потеплело в груди.

Тиана вчера только вздыхала. От этого я чувствовала себя глупой девочкой, которая нафантазировала лишнего. А Селин понимала все без объяснений.

– А потом? – спросила она, сжав мои пальцы.

– Сказал, что теперь понимает, почему нас прячут, – продолжила я. – Потому что мы настоящие сокровища.

Селин тихонько ахнула.

– Так и сказал?!

Я кивнула.

– А после он поцеловал мне руку.

Подруга отшатнулась, чтобы посмотреть на меня.

– И ты молчала целый день?!

Я коснулась пальцем того места, которого касались губы Люсьена, и по спине снова пробежала дрожь.

– Он сначала поклонился, – рассказала я совсем тихо. – А потом взял мою руку. Я даже не поняла, что он собирается делать. У него такие теплые пальцы... И держал осторожно. Я боялась пошевелиться, чтобы он не отпустил.

Селин провела большим пальцем по моим костяшкам.

– Наверное, он со всеми так умеет, – сказала она задумчиво. – Он попросил встретиться еще?

– Сказал, что надеется снова меня увидеть, – ответила я.

Подруга прикрыла глаза и медленно покачала головой.

Я смотрела на ее раздумавшееся лицо и радовалась, что все-таки рассказала ей обо всем.

– Знаешь, что самое странное? – прошептала я. – Я совсем его не боялась. Волновалась ужасно, но мне хотелось, чтобы он остался рядом. Хотя бы еще немного. Чтобы опять взял за руку.

Селин опустила взгляд на свои ладони, сложенные на коленях.

– Наверное, я бы тоже не боялась, – тихо сказала она.

На несколько мгновений мы замолчали.

За высокими окнами кричали птицы. На пюпитре перед нами лежали раскрытые ноты, и уголок страницы чуть подрагивал от сквозняка.

– А потом началась буря, – произнесла я.

Селин поморщилась.

– Да, Флори с самого утра только о скрипаче и говорит. Ходят слухи, что он может погоду испортить. Страшно было?

В голосе Селин пропало то воодушевление, с которым она расспрашивала про лорда Ардена. Но я продолжила рассказ.

– Я думала, мы до обители не добежим. Люди толкались, дождь заливал глаза, совсем ничего не видно было. А потом я заметила Люсьена. Его плащ придавило столбом, и он никак не мог освободиться.

Подруга резко повернулась ко мне.

– Подожди! Он что, остался там один?

Я кивнула.

– Все разбежались. Суматоха такая...

– И его бросили? – в ее глазах застыл ужас.

От ее возмущения у меня самой снова сжалось сердце.

– Я вернулась, – сказала я. – Сначала хотела сдвинуть столб. Даже не знаю, на что надеялась. Он такой тяжелый, а у меня руки тряслись.

Селин вцепилась в мой рукав.

– Он пытался освободиться, а ворот все сильнее стягивал шею. Я увидела кровь и совсем испугалась. Думала только, что надо снять с него этот плащ.

– И сняла?

– Помогла расстегнуть, – прошептала я. – Потом Тиана утатила меня, и мы побежали к обители.

О застеечке я промолчала.

Я вдруг поняла, что не хочу рассказывать о ней даже Селин. Она попросит показать, возьмет в руки, будет вертеть перед глазами. Возможно, позовет остальных.

От одной этой мысли мне стало неуютно.

Пусть у меня останется хоть что-то, о чем знаю только я.

– Так ты спасла ему жизнь, – медленно произнесла подруга.

– Он, наверное, и сам бы справился...

Селин смотрела на меня с таким изумлением, будто впервые увидела.

– Лирель, ты понимаешь, что это значит?

Я сглотнула.

– Он теперь будет думать о тебе. Обязательно будет, – заверила меня подруга. – Это все не просто так!

Щеки снова вспыхнули.

Мне захотелось прижать ладони к лицу, но я боялась показаться совсем уж глупой.

– Может, он даже не понял, кто ему помог, – призналась я. – Там было так темно...

– А если бы на твоём месте оказалась я... – начала Селин и запнулась.
– Ты бы тоже вернулась, – заверила я.
Она посмотрела на меня, потом улыбнулась.
– Конечно, – она задумчиво кивнула.
Селин сжала мою руку.
– Ты обязательно должна с ним еще увидеться, – внезапно заявила она.
– Как? – вырвалось у меня. – Меня теперь целый год не выпустят.
Едва я произнесла это вслух, радость померкла.
Целый год взаперти!
– Надо что-нибудь придумать, – сказала Селин.
– И побыстрее, – раздался недовольный голос Тианы. – Пока госпожа Эстара не придумала, чем вас занять до самого ужина.
Мы вздрогнули и обернулись.
Тиана стояла у лестницы, скрестив руки на груди.
– Я так и знала, что вы здесь.
– Мы только немного поговорили, – ответила Селин.
– Конечно. А пока вы тут болтали, госпожа Эстара уже распределила участки для уборки.
Я торопливо поднялась.
– Что нам досталось? – спросила я.
Тиана посмотрела сначала на меня, потом на Селин.
– Боковые хоры. Обе галереи.
– Где мальчики поют? – переспросила Селин с таким ужасом, будто речь шла о приста-
нище моров.
– Именно.
– А почему мы?!
– Потому что нас трое.
– Их там двадцать!
Тиана развела руками.
Я тоже почувствовала себя несправедливо обиженной. Мальчики умели не только петь.
Они еще таскали с собой яблоки, бросали огрызки под скамьи и оставляли грязные следы даже
на тех досках, до которых, казалось, невозможно дотянуться ногой.
– Они сами должны за собой убирать, – сказала Селин.
– Скажи об этом госпоже Эстаре, – предложила Тиана.
– Почему нам нельзя принести на хоры даже кружку воды, а им можно есть? – не унима-
лась Селин. – Они ведь еще и шелуху плюют!
– Потому что мы певчие и должны подавать пример, – устало произнесла Тиана.
Голос наставницы она изобразила так похоже, что я невольно улыбнулась.
– Пример чего? – спросила Селин. – Как оттирать чужую грязь?
– Можешь уточнить. Заодно еще лестницу отправят оттирать.
Селин с досадой одернула юбку.
Делать было нечего. Мы вышли из нашего укрытия и направились вниз, к кладовой, где
хранились ведра, тряпки и щетки.
Пока подруги спорили, кому достанется щетка с короткой ручкой, я взяла ведро. Даже
предстоящая уборка уже не казалась такой тяжелой.
Возможно, в эту самую минуту Люсьен тоже кому-нибудь рассказывал обо мне. И от этой
мысли стало так тепло в груди, что захотелось петь.
С мыслями о Люсьене Ардене было проще смириться с уборкой. Вода в ведре станови-
лась серой слишком быстро. Селин вытащила из-под скамьи пару огрызков, а Тиана выметала
шелуху от семечек в дальнем углу.

Рукава пришлось закатать до локтей, подолы подоткнуть, но я все равно умудрилась намочить платье. На белой ткани расплылось грязное пятно.

Я только вздохнула расстроено. Мое платье после вчерашней прогулки еще не вернулось из стирки. Если сегодня придется стирать и это, то завтра мне будет просто не во что одеться.

Внизу хлопнула тяжелая дверь. Звук шагов поднялся вверх и отразился от потолка и стен. Мы замерли.

– Здесь поразительно спокойно. Даже не верится, что вчера за стенами обители ветром срывало крыши, – от этого голоса у меня дрогнула рука.

Щетка едва не выскользнула из моих пальцев.

Селин вскинула голову и посмотрела на меня.

Я прижала палец к губам.

Она все поняла по моему взгляду и осторожно посмотрела вниз.

В обитель вошел Люсьен.

Любопытство оказалось сильнее страха. Я встала на четвереньки и осторожно сдвинулась к краю, чтобы разглядеть его получше.

На лорде Ардене был темный камзол с серебряными пуговицами. Без плаща он казался стройнее. У ворота, чуть выше края ткани, виднелась узкая красная полоска.

Я смотрела на эту царяпину и чувствовала, как колотится сердце.

Вчера я была так близко, что могла коснуться ее пальцами.

Рядом с лордом шел настоятель. Сверху я хорошо различала широкую седую полосу вокруг его лысой макушки, полные щеки и аккуратную короткую бороду. Его темное облачение касалось пола при каждом шаге.

Госпожа Эстара шла с другой стороны, отставая на полшага от мужчин.

За ними следовали двое слуг. Один из них нес продолговатый ларец.

– Стены обители пережили немало бурь, милорд, – ответил настоятель. Голос у него был глубоким и мягким. – И, я вас уверяю, переживут еще многие, если Высшие не оставят нас своей милостью.

– Вчера их милость явилась мне весьма неожиданным образом, – отозвался Люсьен.

Настоятель склонил голову набок.

Я невольно подалась вперед, но Тиана ухватила меня за подол и потянула назад.

– Что же произошло? – все тем же спокойным голосом поинтересовался настоятель.

– Одна из ваших певчих спасла меня, – продолжил лорд. – Полагаю, вам уже рассказали?

Настоятель посмотрел на госпожу Эстару.

– Девушки вернулись благополучно, – произнесла она. – За что мы и возблагодарили Высших. Мы воспитываем их в строгости, где скромность — главная добродетель.

– В таком случае позвольте мне коротко рассказать об этом случае, – казалось, что Люсьен был обижен тем, что настоятеля не оповестили о таком происшествии. – Если бы не одна из ваших девушек, я, возможно, навсегда бы остался лежать на площади, придавленный опорой.

– Все произошло очень быстро, – продолжал рассказ Люсьен. – Моя свита куда-то исчезла, вокруг рушились навесы, а я никак не мог освободиться. И вдруг рядом появилась девушка в белом.

Я почти не дышала.

– Волосы распущены, дождь льет ей прямо в лицо, а она пытается поднять столб, который и двое мужчин с трудом сдвинули бы с места. Я еще подумал: откуда она взялась? Словно прекрасный люминар спустился посреди этого кошмара.

В ушах зашумело.

Он сравнил меня с люминаром, прекраснейшим созданием!

– Мне хотелось бы лично поблагодарить эту девушку, – сказал Люсьен. – Вчера она убежала прежде, чем я успел сказать хоть слово.

– Певчая поступила так, как велели ей совесть и долг, – отозвалась госпожа Эстара.

– Безусловно. Но это не уменьшает моей признательности, – настаивал лорд.

Он повернулся к слуге с ларцом и протянул руку, чтобы открыть крышку.

Из-за ограждения я не могла разглядеть содержимое, только заметила светлую ткань внутри и блеск чего-то золотого.

– Я позволил себе привезти небольшой подарок. Надеюсь, ваши правила допускают благодарность, – Люсьен сделал жест, приглашая Эстару и настоятеля ознакомиться с содержимым.

– Правила обители одинаковы для всех, милорд, – госпожа Эстара даже не посмотрела в ларец. – Наши певчие не принимают даров.

– В таком случае я буду рад хотя бы узнать, кого должен благодарить, – произнес он. – На площади были две девушки. Обе в белом, в одинаковых накидках. В суматохе я не успел понять, которая из них вернулась за мной.

У меня похолодели пальцы.

На мгновение я снова увидела его у фонтана. Как он повторил мое имя, как держал за руку.

Госпоже Эстаре достаточно было назвать мое имя. Всего одно слово, и Люсьен понял бы все.

– Уверяю вас, любая из наших певчих поступила бы точно так же, – сказала наставница.

– Все они воспитаны в добродетели и милосердии. Мы не выделяем одну сестру за то, что составляет долг каждой.

Я смотрела на нее сквозь ограждение.

В груди стало тесно.

Мне не требовалась награда. Я не претендовала на золото. Но один взгляд изменил бы все.

Настоятель поднял ладонь, словно примиряя собеседников.

– Госпожа Эстара права. Похвала бывает тяжким испытанием для юной души. Наш долг — беречь девушек в том числе и от тщеславия.

Я опустила голову.

Выходило, что желание услышать от Люсьена доброе слово уже делало меня хуже.

– Но и отвергать вашу благодарность было бы несправедливо, – продолжил настоятель.

– Если вы пожелаете обратить эти дары на пользу обители, мы с признательностью примем их. Здесь они послужат общему благу. В том числе и той, которой вы обязаны спасением.

Люсьен немного помолчал. Потом закрыл ларец.

Щелчок замка прозвучал неожиданно громко и заставил меня вздрогнуть.

– Разумеется, – произнес Люсьен. – Распорядитесь ими по своему усмотрению.

Настоятель благосклонно склонил голову.

– Ваша щедрость не останется забытой, милорд.

Он сделал знак слуге, указав на стол у стены, чтобы туда поставили ларец.

Настоятель тем временем заговорил о поврежденной кровле над переходом и о том, что после вчерашней бури придется заново осмотреть водостоки.

Они двинулись дальше по залу.

Люсьен поднял голову, разглядывая своды.

Я замерла.

Стоило ему немного повернуться, и он увидел бы нас. Мы сидели совсем близко к ограждению, втроем, среди ведер и мокрых тряпок.

Вот сейчас он посмотрит и все поймет.

Тиана тихонько дернула меня за рукав, заставляя пригнуться ниже.

Шаги постепенно удалялись. Госпожа Эстара открыла дверь в боковой проход и пропустила мужчин вперед.

Прежде чем выйти, она оглянулась на хоры. Она знала, что мы были здесь. Одно ее слово — и мне было бы позволено предстать перед лордом, сказать ему хоть слово.

— Это так несправедливо. Ты должна увидеть его снова, — прошептала на ухо Селин. — Он узнает, что ты его спасла, и заберет тебя отсюда!

Глава 4

После отбоя я долго лежала с открытыми глазами.

Над моей кроватью темнело пятно на потолке. Оно было похоже на птицу, парящую в вышине. Если бы только у меня были крылья, я бы смогла покинуть обитель!

Я повернулась на бок.

Под подушкой лежала застёжка Люсьена. Я нащупала ее и зажала в ладони.

Что было бы, если бы он узнал, что это именно я спасла его?

Я видела его глаза, моя кожа горела от прикосновения его губ даже сейчас.

Наверное, следовало радоваться хотя бы тому, что он остался жив и здоров. Но мне так хотелось большего!

– Лирель, – едва слышно позвала Селин.

Я приподняла голову.

Подруга сидела на своей кровати, обхватив колени. Волосы рассыпались по плечам, лицо белело в темноте.

– Не спишь?

Я покачала головой.

Я все думаю о том, что произошло днем, – прошептала она.

– Я тоже.

– Он ведь мог больше не прийти.

У меня сжалось сердце.

– Зачем ты так говоришь? – глаза обожгло от слез.

– Нет, я не в том смысле! – Селин поспешно взяла меня за руку. – Он ведь мог просто прислать подарок. Со слугой. А вместо этого явился сам и просил тебя позвать.

На соседней кровати заворочалась Флори. Селин замерла, но та только натянула одеяло на голову.

– Я бы на твоём месте не смогла здесь остаться, – прошептала подруга.

– А что мне делать? Перелезть через стену?

Я попыталась улыбнуться, но губы предательски задрожали.

– Меня ведь найдут и вернут. Ещё и накажут потом.

Селин наклонилась ближе.

– А если тебя отпустят сами? – прошептала она.

Я повернулась к ней и попыталась рассмотреть на лице издевательскую улыбку. Но подруга говорила абсолютно серьёзно.

– Ещё ни одна певчая не смогла покинуть обитель иначе, как в белом мешке. Пока мы живы, наш голос принадлежит обители, – проговорила я.

– Так и есть, – согласилась Селин. – Но ты можешь оставить голос обители, а сама покинуть эти стены.

От волнения у меня пересохло во рту.

– Так не бывает, – сказала я.

– Бывает, – Селин произнесла это тихо, но уверенно.

Я села, прижав одеяло к груди.

– Ты что-то знаешь?

Селин оглянулась на спящих девушек.

– Помнишь, за прачечной есть лестница? Та, по которой нам не разрешают ходить?

Я кивнула.

– Она ведёт в старую часть обители. Ее закрыли, когда построили новые помещения.

– Там все затоплено.

– Не все, – возразила Селин. – Там живет одна женщина.

Я смотрела на подругу, ожидая продолжения.

Она понизила голос еще сильнее:

– Она хранит голоса всех певчих, что когда-то жили здесь. Даже после смерти они остаются у нее.

Мне стало холодно.

– Ведьма?

Селин промолчала.

– Откуда ты знаешь? – спросила я.

– Прачка рассказала. Она много секретов хранит.

Я опустила босые ноги на каменный пол и нащарила в темноте туфли. Селин сделала то же самое.

Из темноты донесся скрип кровати.

– Даже не думайте.

Тиана сидела, свесив ноги на пол.

– Ты подслушивала? – возмутилась Селин.

– Вы шепчетесь прямо у меня над ухом.

Она подошла и остановилась перед нами, загораживая проход.

– Лирель, ложись спать. А ты возвращайся к себе, – строго сказала подруга.

– Ты тут не госпожа Эстара! – огрызнулась Селин. – Не указывай нам, что делать!

– Что будет, если отдать голос? – спросила я, совершенно не обращая внимания на перебранку подруг.

Тиана тяжело вздохнула.

– Пока у тебя есть дар, ты певчая. А если его не станет, тебя больше не смогут удерживать. Зачем обители девушка, которая не поет? – отозвалась Селин.

Я коснулась шеи.

С того дня, как я оказалась в обители еще малышкой, мой голос стал самой большой ценностью. Сокровищем, которое берегли. Обо мне тоже заботились, ведь я была сосудом, в котором этот драгоценный дар находился.

Всем нужен был мой голос, но никого не интересовало, что было у меня на душе. Какое лицемерие!

Тиана посмотрела на меня.

– Даже если это правда, ты же не собираешься...

Я решительно поднялась.

– Я хочу поговорить с ней.

Слова вырвались прежде, чем я успела испугаться их.

Тиана замолчала.

– Только поговорить, – повторила я уже тише.

Селин согласно кивнула.

– Конечно. Сначала надо все узнать.

– А утром нельзя? – спросила Тиана. – Сейчас ночь...

Я посмотрела на нее с укором.

Утром ударит колокол. Потом молитва, завтрак, распевка. Госпожа Эстара контролирует каждый шаг, даже если не стоит рядом.

– Лирель, ты хотя бы понимаешь, о чем говоришь? Ты хочешь остаться без голоса ради мужчины, с которым разговаривала один раз.

– Два, – возразила я.

Но дело было уже не в Люсьене. Мне стало трудно дышать в обители. Ее каменные стены душили, сжимая меня в холодных тисках.

– Я пойду, – сказала я. – Мне нужно получить ответы.

Селин с готовностью поднялась следом.

– Я тоже с вами, – произнесла Тиана.

– Ты же против!

– Именно поэтому. Должен же кто-то оставаться в рассудке!

Мы бесшумно покинули спальню и спустились по лестнице наощупь. Брать фонарь или свечу было опасно — даже тусклый свет могли заметить.

Прачечную мы нашли по запаху.

Из постирочной тянуло щелоком, а у самого входа была неприметная дверь, ведущая во внутренний двор обители. Там на веревках колыхались простыни и наши белоснежные наряды. Казалось, что это люминары бились в сетях и никак не могли улететь.

В самой прачечной догорала свеча в старом блюдце. Похоже, ее забыли здесь еще с вечера.

В дальнем углу, за корзинами, обнаружилась низкая дверь. Я видела ее раньше, но никогда не подходила близко.

Селин потянула за кольцо.

Дерево скрипнуло так громко, что мы все трое замерли.

Из открывшегося прохода потянуло холодом.

– Может, все-таки вернемся? – спросила Тиана с надеждой.

Селин не ответила ей. Она взяла забытую свечу и первой шагнула за порог.

Лестница уходила вниз. Узкие ступени были стерты посередине, и я сразу взялась за стену, чтобы не поскользнуться.

Камень оказался влажным.

Мы спускались молча. Селин несла свечу перед собой, и ее тень ползла по своду, то вытягиваясь, то сжимаясь. Тиана шла последней. Время от времени я чувствовала ее пальцы на своем локте.

Внизу шумела вода.

Этот звук часто можно было услышать из разных частей обители, только теперь он стал громче.

Казалось, где-то совсем рядом текла подземная река.

Лестница закончилась длинным переходом.

Вдоль стены тянулся желоб, где журчала черная вода. Я запрокинула голову вверх.

На стене проступило лицо люминара.

Вернее, то, что от него осталось. Краска осыпалась, от глаз сохранились только темные углубления. Зато крылья раскинулись почти на весь простенок, и уцелевшие перья поблескивали зеленоватым серебром.

– Здесь раньше молились? – прошептала я.

– Здесь раньше много чего делали, – ответила Селин уклончиво.

– Ты хоть знаешь дорогу? – усмехнулась Тиана.

– Знаю, – ответила Селин через плечо. – Надо идти вдоль воды до большой арки.

Мы миновали несколько заложённых дверных проемов. В одном между камнями торчал ржавый обломок петли. Из другого тянулись тонкие белесые корни. Они свисали со стены и чуть шевелились от сквозняка.

Я постаралась пройти мимо побыстрее.

Наконец впереди показалась арка. Она была закрыта грубо сколоченной дверью.

Из щели у пола пробивался болезненный желтый свет.

Селин остановилась перед дверью. Я слышала, как часто она дышит.

– Стучи, – сказала ей Тиана.

– Почему я? – шепотом ответила Селин.

– Ты ж нас сюда привела!

Я протиснулась между ними и подняла руку. Постучала дважды.

За дверью что-то тихо звякнуло.

– Входите, раз добрались, – донеслось оттуда.

Мы переглянулись.

Собравшись с силами, я толкнула дверь.

Первое, что я увидела, была огромная каменная раковина, напоминавшая ракушку.

Она выступала из стены почти на половину комнаты. Широкая каменная чаша с волнистым краем, розоватая внутри и темная снаружи. По ее бокам расходились глубокие борозды, в которых скопилась зеленая сырость.

Я остановилась на пороге, разглядывая все остальное.

Старые умывальни тянулись вдоль стен, похожие на раковины невиданных морских существ. Из некоторых еще торчали краны с изогнутыми носами.

Комната казалась частью затонувшего дворца.

Сводчатый потолок скрывался в полумраке. Со швов между камнями свисали нити корней. Свет жаровни неровно ложился на мокрые стены, дрожал в чашах и отражался от воды длинными полосами, словно это были бледные водоросли.

В дальней нише стояла самая большая раковина.

Когда-то она, должно быть, служила купелью. В нее вели три широкие ступени.

Теперь в купели лежали матрас, подушки и толстое стеганое одеяло. На краю висела шерстяная шаль.

Ведьма, которая обустроила здесь логово, соорудила себе постель прямо внутри купели.

Я так засмотрелась, что не сразу заметила хозяйку.

Она сидела у жаровни на низком стуле и что-то штопала.

Это была пожилая женщина в темном платье. Седые волосы были собраны в узел, рукава закатаны до локтей.

На ведьму она совсем не походила.

– Дверь прикройте, – сказала она, не отрываясь от шитья. – Тянет.

Тиана послушно закрыла дверь.

Женщина подняла на нас глаза.

– Которая из вас?

Я не поняла вопроса.

Селин выразительно посмотрела на меня.

Ведьма отложила шитье и легко поднялась со стула. Она подошла ближе, буравя меня взглядом черных глаз.

– Сама-то говорить умеешь? – спросила она.

– Умею, – ответила я и выступила вперед. – Мне сказали, что вы можете помочь.

В этот момент кто-то тихонько рассмеялся.

Я резко обернулась.

Кроме нас в комнате никого не было.

У стены стоял шкаф, заставленный разномастными стеклянными сосудами. Высокими, пузатыми или совсем маленькими. Одни были прозрачные, другие отливали зеленым или синим. Горлышки заливал темный воск.

– Не трогайте полки, – предупредила женщина.

Селин отступила от шкафа. В одном сосуде будто шевельнулся туман. Из другого донесся короткий вздох.

Тиана взяла меня за руку, словно напоминая о цели визита.

– Мы только спросить, – сказала я осторожно.

– Спрашивайте.

Я сглотнула.

– Если у певчей больше нет голоса, ее отпускают из обители?

– Отпускают, – кивнула ведьма.

Ответ прозвучал так просто, что я растерялась.

Столько лет мы жили за стенами, подчинялись строгим правилам, с нетерпением ждали единственного дня, чтобы почувствовать свободу.

– Насовсем? – уточнила я.

– Держать тебя больше не станут. Кормить тоже, – усмехнулась старуха.

Селин подалась вперед.

– И она сможет ходить куда захочет? Даже в замок?

Ведьма посмотрела на нее.

– Если ее в замок пустят, то конечно.

Я почувствовала, как загорелись щеки.

– А обратно? – спросила Тиана. – Если она передумает?

– Обратно что? – переспросила ведьма.

– Можно ли голос вернуть?

Женщина помолчала. Но ответа мне было не нужно.

– Спой, – приказала она.

Я оглянулась на подруг.

– Сейчас? – спросила я.

– Для этого ты и пришла.

Я привычно выпрямила спину, положила ладонь на живот и сделала вдох.

Первые ноты прозвучали неуверенно.

Комната ответила странным эхом. Звук скользнул по каменным чашам, коснулся воды и вернулся ко мне глубоким, почти незнакомым.

Я взяла ноту выше.

В шкафу что-то звякнуло, словно кто-то далеко отозвался моей песне.

Ведьма подняла руку, чтобы остановить меня.

Я замолчала.

– Давно в обители? – спросила она, отворачиваясь к полке.

– С детства, – ответила я.

– И хорошо тебе здесь пелось?

Я не знала, что ответить.

Пелось мне хорошо. Только вся остальная жизнь проходила где-то за воротами.

– Я хочу уйти, – сказала я.

– Это я поняла. Но ты принесла обет. И твой голос не покинет обители, – она обернулась.

– Даже после смерти.

Я сглотнула.

Женщина выбрала небольшой прозрачный флакон с длинным горлышком.

– Но мы можем вас разделить, – продолжила она. – Голос останется у меня. Твой дар тоже. Обратно здесь его не получить, как ни старайся.

Тиана крепче сжала мою руку.

– Она совсем не сможет говорить? – спросила Селин.

– Сможет. Только слушать будет неприятно, – ведьма зыркнула недобро.

У меня перехватило горло. Я невольно попыталась представить, как это — открыть рот и услышать что-то чужое.

– Но петь она больше не сможет? – настаивала Селин.

– Нет, – отрезала старуха.

Я перевела взгляд на Селин. Она заворуженно смотрела на флакон.

– Зато ее отпустят, – произнесла она тихо.

Тиана резко повернулась к ней.

– Ты можешь хоть немного помолчать?! – взвилась она.

– Я просто...

Селин ступевалась и отступила на шаг назад.

– Это не твой голос! – зашипела Тиана. — Не твоя жизнь...

В комнате стало тихо. Ведьма поставила флакон на стол.

– Правильно говорит. Решать тебе, а не подругам.

Я потеряла ладонью шею.

Совсем недавно Люсьен говорил, что моя песня заставила его забыть обо всем.

Если больше не будет голоса, что останется?

Потом я вспомнила его губы на моей руке.

Когда он подошел ко мне на площади, я не пела. Улыбался, говорил, что хочет увидеть снова. А сегодня искал девушку, которая вернулась за ним в бурю. Значит, дело было не только в песне.

– Мне нужно выйти отсюда, – сказала я упрямо.

Ведьма окинула меня внимательным взглядом.

– Кто ждет?

Я замялась.

Селин ответила за меня:

– Лорд Арден.

Тиана шумно выдохнула и одернула подругу за рукав.

– Он хотел увидеть Лирель, но ему не разрешили, – поспешно продолжила Селин. – Она спасла его вчера. Во время бури.

Ведьма снова посмотрела на меня.

– Звал к себе? – спросила она.

– Он не знает, что я могу уйти.

– Значит, не звал.

Мне стало обидно.

Она ничего не знала о нас. Не слышала, как он говорил, как смотрел!

– Он приходил сегодня, – произнесла я. – Хотел поблагодарить. Принес подарок.

Ведьма придвинула к себе стул и села.

– Я могу забрать голос и открыть для тебя ворота в город. Все остальное будешь устраивать сама.

Я кивнула.

– Лирель, давай вернемся, – взмолилась Тиана. – Пожалуйста! Ты хотя бы подумай до завтра.

Селин молчала.

Теперь, когда флакон стоял перед нами, она тоже перестала улыбаться.

– Я уже подумала, – ответила я.

В глубине души я знала, что если откажусь сегодня, то другого шанса не будет.

– Ты думала всего одну ночь! – закричала Тиана.

– А сколько нужно? Год? Десять лет?! – я огрызнулась и посмотрела на подругу со злостью.

Голос у меня дрогнул. Она не понимала меня!

Я представила Мирену. Она была старше нас и помнила певчих, которых я уже не застала. Когда-нибудь и я стану старшей. Буду поправлять воротники новым девочкам, объяснять, как стоять, и учить не смотреть сквозь решетку.

– Я не хочу здесь состариться, – прошептала я.

Тиана опустила голову.

Селин обняла меня за плечи.

– Ты будешь счастлива, – сказала она, хотя голос звучал не так уверенно, как в спальне.

– У тебя будут красивые платья. Свой дом. Ты сможешь просыпаться, когда захочешь...

Она замолчала.

– А мы потом будем ждать, когда ты придешь нас послушать.

В ее словах прозвучала такая тоска, что я повернулась и обняла ее в ответ.

– Я буду приходить часто.

Тиана отвернулась.

Ведьма постучала ногтем по столу.

– Решила?

Я сжала в ладони свое маленькое сокровище — застёжку Люсьена.

– Да, – услышала я свой голос и вздрогнула.

Ведьма поманила меня к одной из каменных чаш. Ноги едва слушались, но я подошла и вцепилась в край раковины, имитирующей створку огромной ракушки.

Вода в ней была темной и неподвижной, словно в ней не было жизни.

Я увидела свое отражение: бледное лицо, большие глаза, волосы, выбившиеся из косы.

Камень охлаждал ладони.

Подруги пошли следом, но одного взгляда старухи хватило, чтобы они замерли в нескольких шагах от нас.

– Будет больно? – спросила я.

Женщина посмотрела мне в глаза.

– Не думай о боли, – сказала она. – Я хочу еще раз напомнить, что назад дороги не будет.

Я кивнула.

– Пой, – приказала старуха.

В ее глазах отразился огонь, хотя в комнате светлее не стало.

Я сделала вдох на четыре удара сердца и медленно запела. Я пела последнюю партию. Ту, которую впервые пела для Люсьена. Я и сейчас пела ради него.

Знакомое ощущение наполнило грудь, и я чуть успокоилась.

По воде разошлись круги, ведьма удовлетворенно кивнула. Она взяла флакон и поднесла к моему лицу.

Звук изменился.

Я почувствовала, будто внутри натянулась тонкая нить. Она шла из самого центра груди, цеплялась к горлу и выходила дальше, наружу. Захотелось сглотнуть, но я боялась прервать пение.

Кто-то из подруг положил ладонь мне на спину.

Воздух в легких заканчивался, я почувствовала жжение. Попыталась вдохнуть и вдруг поняла, что уже не пою.

Мой рот был открыт. Грудь судорожно поднималась, но из нее не выходило ни звука. Но мой голос продолжал звучать.

Он шел из флакона.

Прекрасный, сильный, совершенно чистый.

Я смотрела на сосуд и не могла пошевелиться.

Ведьма положила пробку на горлышко и выжидательно посмотрела на меня. В этот короткий миг мне захотелось схватить сосуд. Прижать к себе, отнять, сказать, что я передумала.

А потом перед глазами возникло лицо Люсьена.

Я вцепилась в край чаши. Сжала его так сильно, что камень стал крошиться под пальцами.

Пробка вошла в горлышко, и я задохнулась, словно ее мне в глотку запихнули.

Звук оборвался.

Вода передо мной стала гладкой, словно мертвое зеркало.

Я слышала, как Тиана всхлипнула.

Ведьма отступила к столу. Наклонила свечу, и на пробку потек воск, навсегда запечатавшая мой голос.

Все закончилось.

Я открыла рот.

– Это...

Из горла вырвался скрипучий шепот. Селин охнула. Я повернулась к ней. На лице подруги застыл испуг.

– Это все? – попыталась спросить я снова.

Слова царапали горло. Мой голос звучал так, словно я долго болела и еще не оправилась.

Я сглотнула. Попробовала кашлянуть.

Тиана порывисто обняла меня. Ее лицо было мокрым от слез.

– Не надо, – прошептала она. – Не мучай себя.

Я мягко отстранилась от нее. Хотела еще что-то сказать, но изо рта вырвался хрип. Мне стало страшно. По-настоящему страшно, впервые за всю ночь.

Я попыталась еще раз, но Тиана схватила меня за руки.

– Лирель, хватит!

Слезы сами покатались по щекам. Я смотрела на ведьму. В руках она держала флакон, рассматривая его в тусклом свете.

Там был мой голос. И я отдала его сама.

– Теперь тебя отпустят, – произнесла Селин.

Она шагнула ближе и осторожно погладила меня по плечу.

– Ты же именно этого хотела... Такова цена...

Глава 5

Утром я едва смогла выпить несколько глотков теплой воды.

Горло болело так, будто внутрь насыпали битого стекла или воткнули сотню тончайших кинжалов.

Каждый раз, когда я пыталась заговорить, подруги вздрагивали. Селин тут же начинала отвечать вместо меня. Тиана все больше молчала.

Остальные певчие решили, что я простудилась во время бури.

– Я же говорила, надо было сразу растереться насухо, – вздохнула Мирена.

Флори подвинула ко мне мед.

Я поблагодарила ее кивком.

Госпожа Эстара заметила неладное, едва вошла в комнату.

Она посмотрела на меня, потом на Тиану.

– Лирель, подойди, – приказала она.

Я встала.

Колени дрожали. Было страшнее, чем ночью у двери ведьмы.

Наставница приподняла мой подбородок. Приложила два пальца к шее.

– Пой.

Я послушно открыла рот и сделала вдох.

Хриплый звук едва долетел до стоящей рядом Флори.

Госпожа Эстара застыла. Ее глаза сузились, в них отобразилось что-то недоброе. Я выдержала этот взгляд.

Пальцы наставницы сильнее прижались к моей коже, оставляя на ней отметины. Несколько мгновений она молча смотрела мне в глаза.

Потом убрала руку.

– Все выйдите, – приказала госпожа Эстара.

Никто не пошевелился.

– Сейчас же! – вскрикнула она. – Все вон!

Девушки поспешили к двери. Я осталась стоять посреди комнаты, ожидая своей участи.

Только сейчас до меня запоздало дошло, что ведьма могла обмануть.

– Ты понимаешь, что сделала? – спросила наставница тихо.

Я опустила голову. Она не спрашивала, что именно произошло. Каким-то непостижимым образом она уже все знала.

– Посмотри на меня, Лирель, – попросила она.

Пришлось поднять глаза. Госпожа Эстара выглядела усталой.

– Ты сделала это добровольно? – спросила она.

– Да, – выдавила я.

Госпожа Эстара вздрогнула от звука моего голоса.

Мне стало стыдно.

Я столько раз старалась спеть лучше, чтобы она осталась довольна. А теперь даже одно короткое слово причиняло ей боль.

– Ради него?

Я не ответила.

Она закрыла глаза и медленно выдохнула.

– Глупая девочка.

От этих слов захотелось заплакать, но я сдержалась. Я ведь больше не была маленькой. Могла сама решать, как жить.

– Меня отпустят? – спросила я.

Наставница отвернулась.

– Я принесу тебе другую одежду. Ты больше не имеешь права носить белое, – сказала она, не глядя на меня.

Когда я осталась одна, то подошла к небольшому сундуку, в котором хранились личные вещи. Я медленно перебрала свои вещи. Пара шпилек, смена белья, гребень — вот и все, что дала мне обитель. Молитвенник, тексты песен и белые одежды останутся здесь.

Госпожа Эстара вернулась с серым платьем.

Плотная ткань выцвела на сгибах. У ворота виднелся след от перешитой застежки.

Наставница помогла мне расшнуровать белый корсет. Ее пальцы двигались быстро и уверенно, как всегда.

Я стояла неподвижно, пока она снимала с меня платье певчей.

Серое оказалось широким в талии и коротковатым в рукавах. Я затянула пояс.

Госпожа Эстара оглядела меня, потом поправила ворот.

На мгновение ее рука задержалась у моей щеки. Я едва удержалась, чтобы не прижаться к ней.

Захотелось сказать, что мне страшно.

– Пора, – сказала она, отстраняясь.

Наставница довела меня до выхода. Даже не позволила проститься с подругами.

Они были певчими. Для простых смертных они стояли лишь на ступень ниже люминаров. Я же теперь не имела права даже смотреть на них.

Когда тяжелые ворота обители открылись, я на несколько мгновений остановилась на пороге.

Впереди меня ждала неизвестность.

– Иди уже, – голос наставницы дрогнул.

Я оглянулась.

В окне второго этажа стояли Тиана, Селин, Флори, Мирена и Оделия. Белые платья мерцали в сумраке.

Их осталось пятеро. Значит, скоро в обитель примут новую девочку, и все начнется сначала.

Я еще немного постояла, глядя на темные створки и только потом направилась вниз, к городу.

Дорога была знакомой. Совсем недавно мы бежали по ней с Тианой, торопясь на праздник. Тогда подруга держала меня за руку, а впереди слышались музыка и смех.

Сегодня на спуске никого не было.

У стены лежала сломанная ветка кипариса. Я переступила через нее, стараясь не зацепиться подолом, и только теперь заметила, сколько вокруг осталось следов бури.

С крыши ближайшего дома сорвало черепицу. На ее месте темнели доски. Между окнами еще висела веревка с бумажными фонариками. Мокрые, слипшиеся, они больше напоминали грязные тряпки.

Я шла медленнее, чем в прошлый раз.

Серое платье путалось в ногах. Я привыкла к плотному корсету, который поддерживал спину, а теперь все время хотелось ссутулиться и прикрыть грудь, которую больше ничто не удерживало.

У поворота пришлось прижаться к стене, пропуская телегу.

Колесо попало в выбоину, и грязная вода брызнула мне на туфли.

– Глаза-то разуй! – крикнул возница.

Я открыла рот, чтобы извиниться, но он уже проехал.

В обители со мной никогда так не разговаривали. Теперь все стало иначе.

Город был тот же самый, но я едва узнавала его. За разобранными праздничными прилавками обнаружились грязные стены. Мужчины грузили на тележку обломки досок. Кто-то выливал помой прямо в канаву.

В нос ударил кислый запах.

Мне захотелось скорее добраться до замка. Я знала, что он стоит выше города, и видела башни между крышами, но улицы все время уводили в сторону.

У овощной лавки сидела женщина с корзинами.

Я подошла к ней.

– Подскажите...

Первое слово показалось хриплым скрежетом.

Женщина подняла голову и поморщилась.

Я сглотнула. В горле будто повернулось что-то острое.

– Как пройти...

– Громче говори, – потребовала она.

Я набрала воздуха, но вместо слов закашлялась.

Женщина отодвинула от меня ближайшую корзину.

– Больная, что ли?! – воскликнула она и замахнулась на меня. – Иди-ка отсюда! Не хватало еще, чтобы покупатели шарахались.

Я отступила.

Щеки горели.

Всего два дня назад я могла наполнить голосом огромный зал. Люди замолкали, чтобы слушать меня. Мой голос даровал умиротворение.

Теперь же мне не удалось даже спросить дорогу.

Я свернула за угол и остановилась у стены. Осторожно провела ладонью по шее.

Нужно было говорить тише. Не торопиться. Горлу нужно дать время привыкнуть.

Вдали на солнце блестели шпили замка.

Люсьен обязательно поймет.

Я расскажу ему, что случилось. Он ведь знает, какой у меня был голос. Если кому и можно объяснить, что я потеряла, то ему.

С этой мыслью стало легче идти.

Я вышла к площади.

От деревянной сцены остался помост с торчащими гвоздями. На камнях валялись размокшие лепестки. Фонтан работал, но возле него больше не было нарядных гостей. Женщина полоскала в воде тряпку, а мальчик пытался выловить палкой обрывок красной ленты.

Я остановилась, пораженная тем, как все сильно изменилось.

По площади прокатился стук колес.

Я обернулась на звук.

Из боковой улицы выезжала карета. Темная, с серебряной отделкой на дверце. На козлах сидел кучер, позади стоял слуга.

Сначала я посмотрела на нее просто потому, что рядом больше нечего было рассматривать.

Потом увидела знакомый профиль в окне.

Светлые волосы. Прямая спина. Рука, лежащая на краю окна.

Это Люсьен!

Сердце так сильно ударило, что я забыла о боли в горле.

Он оказался здесь!

Именно сейчас, когда я пришла на площадь. Это был знак свыше!

– Милорд!

Я бросилась вперед.

Карета двигалась медленно: дорогу перегородила тележка, нагруженная обломками сцены. Кучер натянул поводья и сердито крикнул грузчикам, чтобы поторапливались.

Я бежала со всех ног.

Туфли скользили на мокрых камнях. Мне казалось, стоит добраться до окна, и все наконец встанет на свои места.

Люсьен обязательно узнает меня.

Удивится, конечно. Спросит, почему я в таком виде, а я отвечу, что теперь свободна.

– Милорд!

Он повернул голову.

Я остановилась у самой дверцы, задыхаясь от бега.

Люсьен посмотрел на меня.

Он был так близко. Почти как тогда, возле фонтана.

Я улыбнулась.

– Это я...

Из горла вырвался громкий, каркающий звук.

Люсьен резко отпрянул от окна.

Улыбка застыла на моих губах.

Он оглядел меня. Взгляд скользнул по распущенным волосам, серому платью со следами грязи.

Я ждала, когда он узнает меня. Но он только нахмурился.

– Что тебе нужно? – спросил он.

Я сглотнула.

– Я... Ли...

Горло сдавило. От волнения язык совсем перестал слушаться.

Люсьен посмотрел куда-то поверх моей головы. Вид его был скучающим.

– Милорд, – повторила я, уже почти шепотом. – Я из обители...

– Отойди от колеса! – прикрикнул кучер.

Тележку впереди наконец сдвинули в сторону.

Я испугалась, что карета сейчас тронется, и схватилась за край дверцы.

Люсьен отдернул руку.

– Постойте, пожалуйста! – взмолилась я. – Это же я...

Люсьен поспешно полез в кошелек.

Я растерянно смотрела на него. Почему он не приказал остановить карету и не открыл мне дверь?

– Вот, держите.

Из окна вылетела монета. Она ударилась о камни возле моих ног, звякнула, подпрыгнула и покатилась к канаве.

Я проводила ее взглядом.

– Купите себе поесть, – сказал Люсьен даже не глядя на меня. – Поезжай.

Карета качнулась.

Я шагнула следом.

– Подождите!

Мой крик заставил его поморщиться.

Он прикрыл окно.

– Кажется, слухи о моей доброте начинают мне вредить, – проговорил он.

Я шла рядом еще несколько шагов, заглядывая внутрь, но теперь видела только отражение домов и собственное бледное лицо.

Карета ускорилась.

– Люсьен!

Голос сорвался.

И тут до меня дошло. Застежка!

Вот я бестолковая! Нужно было сразу показать!

Вместо того, чтобы пугать Люсьена своим страшным хрипом, надо было протянуть застежку.

Он бы сразу вспомнил о том, что произошло во время урагана.

Я сжала пальцы.

У Люсьена было слишком мало времени. А тут я выскочила. Волосы растрепались, лицо перекошено. Еще и платье это!

Он не узнал меня, но все равно проявил участие. Дал денег, захотел помочь и проявил доброту.

Я вытерла мокрые глаза тыльной стороной ладони.

Ничего еще не закончилось.

Мне просто нужно увидеть его снова, поговорить в более спокойной обстановке.

Я пошла по улице, на которой исчезла карета.

Старалась идти быстро, но вскоре пришлось замедлиться. В горле жгло, ноги гудели. Я не привыкла ходить так долго.

На перекрестке я остановилась.

Впереди улица расходилась надвое. Я посмотрела направо, потом налево.

Кареты нигде не было.

Зато справа, между домами, виднелись башни. Я решила, что Люсьен наверняка поехал в свой замок, и свернула туда.

Дорога поднималась все круче. Дома вокруг становились все больше и богаче.

Пока я дошла до замка, то успела сбить в кровь ноги. Каждый шаг давался через боль.

– Куда? – суровый стражник держал руку на древке алебарды.

Я указала за ворота.

– К лорду...

Он наклонил голову, прислушиваясь.

– Чего?

– Лорд Арден, – выдавила я.

– Его светлости нет.

– Я подожду.

Он окинул меня взглядом.

– Уходи! Сегодня не приемный день!

Я послушно отступила.

Решила, что лучше тогда попробовать перехватить карету Люсьена на обратном пути у того же фонтана.

Спускаться оказалось ненамного легче. Туфли натерли пятки, и каждый шаг отзывался болью.

На площади кареты не было.

Я обошла фонтан, дошла до здания городского совета. Потом услышала стук колес и бросилась обратно. Сердце колотилось, словно хотело из груди выпрыгнуть.

Но мимо проехала повозка с пустыми бочками.

Я остановилась, тяжело дыша.

Так прошел остаток дня.

Несколько раз мне казалось, что я вижу серебряный отблеск на проезжавшей мимо карете. Но все оказывалось не то.

Люсьена нигде не было.

На город спускались сумерки. Я стояла посреди улицы и не знала, куда идти дальше.

Скоро совсем стемнеет.

В прошлый раз Тиана все время напоминала, что нужно вернуться в обитель до последнего колокола. Тогда я сердилась на нее за эту торопливость.

Теперь отчаянно захотелось, чтобы она оказалась рядом, взяла меня за руку и повела домой.

Я посмотрела вверх, туда, где над крышами темнели стены обители.

У меня больше не было дома. Но и идти мне тоже не куда.

Может, попроситься на ночлег, а утром снова попробовать поговорить с Люсьеном?

Я доковыляла до обители уже затемно. Тихонько поскреблась в дверь.

Открылось маленькое окошко.

– Что нужно? – спросила служительница через решетку.

– Это Лирель, – отозвалась я.

– Кто?

Я попыталась повторить, но закашлялась.

– Ты зачем вернулась?

Я всхлипнула. Вспомнила слова ведьмы о том, что кормить меня здесь больше не будут.

Окошко закрылось. На улице быстро темнело. Где-то внизу зажигали фонари, но сюда их свет не доставал.

Я не уходила. Просто идти было некуда. Внизу меня никто не ждал.

За спиной щелкнул замок. Калитка приоткрылась.

Я обернулась.

Госпожа Эстара стояла с лампой в руке.

– Что случилось?

От ее голоса у меня сразу задрожали губы.

Пришлось крепко сжать их, прежде чем ответить.

– Я не успела... поговорить с ним.

Наставница молчала.

– Он уехал. Я ждала, но... – я сглотнула, и горло отозвалось болью. – Завтра я попробую еще раз.

Она посмотрела на меня с сожалением.

– Лирель, ты больше здесь не живешь.

Госпожа Эстара опустила лампу.

– Ты отказалась от своего места.

– Я знаю. Я могу...

Я запнулась.

– ... помочь с уборкой. Принести воды. Сидеть тихо, чтобы никому не мешать.

В обители всегда было столько работы. Столько комнат, куда мы никогда не заходили. Неужели для меня не найдется угла?

– Здесь содержат певчих, – сказала наставница. – У тебя больше нет дара.

Я посмотрела ей в глаза.

– Госпожа Эстара...

Голос подвел окончательно.

Вместо просьбы получился слабый хрип.

– Обойди стену слева, – тихо сказала она. – Там служебный вход для прачки и остальных.

Переночуешь на крыльце.

Я замерла.

– На улице? – спросила я.

– Под навесом хотя бы сухо, – произнесла она холодно. – Но потом тебе придется уйти навсегда.

Я кивнула.

Более щедрого предложения мне сегодня все равно не поступало.

Служебное крыльцо находилось с другой стороны обители.

Три каменные ступени, низкий навес и дверь, обитая железом. Рядом стояла бочка, в которую с крыши стекала вода.

Я опустила ладони в воду, умыла лицо и пригладила волосы. Потом медленно опустилась на ступени.

Камень за спиной еще хранил дневное тепло, но снизу уже тянуло сыростью. Я поджала ноги, и обхватила колени руками.

Колокол известил, что пора собираться к вечерней трапезе.

Живот болезненно сжался. Я уткнулась лицом в колени.

Нельзя было плакать. От слез горло начинало болеть сильнее.

Завтра я обязательно найду Люсьена.

Покажу ему застёжку. И он непременно узнает меня.

За дверью послышались быстрые шаги. Потом шепот.

Я подняла голову.

Замок щелкнул, и дверь приоткрылась.

Я вскочила.

– Тиана...

Подруга держала в руках кружку. Над ней поднимался пар.

За ее плечом показалась Селин с куском хлеба на чистой тряпице.

Я шагнула к ним.

Тиана тоже дернулась вперед.

Из глубины коридора донеслось покашливание.

Подруга остановилась.

Только теперь я заметила служительницу, стоявшую у стены за их спинами.

Тиана посмотрела на нее, потом снова на меня.

Глаза у нее были красными.

– Нам разрешили принести, – прошептала она.

Я протянула руку.

Но Тиана уже присела и поставила кружку на порог.

Селин положила рядом хлеб.

Некоторое время мы смотрели друг на друга.

Мне хотелось обнять их обоих. Но прикоснуться к певчим было нельзя.

– Выпей, пока горячий, – сказала Тиана.

Селин опустила глаза. Ее пальцы теребили рукав белого платья.

– Пора, – произнесла служительница.

Тиана смотрела на меня до последнего. Потом дверь медленно закрылась.

Я осталась стоять перед ней с протянутой рукой.

Кружка стояла у моих ног. Я осторожно подняла ее.

Горячая глина обожгла ладони. Я сделала маленький глоток и едва не расплакалась.

Я опустилась обратно к стене. Взяла хлеб. Отломил кусочек, размочила в отваре, чтобы легче было проглотить.

Если я завтра так и не встречу Люсьена, то придется как-то устроиваться в городе.

Глава 6

Берто занял лучший стол в таверне и коротал время за поеданием закусок.

Я остановился напротив.

За неделю моего отсутствия на одном из толстых пальцев дельца появился новый перстень. Кажется, кто-то недавно дорого заплатил ему за услугу.

– Ренар! – Берто расплылся в приторной улыбке. – Живой, паршивец!

– Сам удивлен, – я пожал плечами и сел напротив.

– Я уж думал, тебя где-нибудь повесили, – Берто захохотал, радуясь собственной шутке, потом вытер губы платком.

Я поставил скрипичный футляр возле стены, подальше от его жирных рук.

В таверне было жарко. Под низким потолком клубился сизый дым, от которого щипало глаза. Кто-то спорил у стойки, в дальнем углу с грохотом сдвигали скамьи и играли в кости.

После двух часов пешком мне хотелось помыться и выпить чего-нибудь, что не пахло тухлятиной.

На столе перед Берто стояли кувшин, миска с костями и блюдо, на котором плавали в жире куски мяса.

– Будешь? – он подтолкнул блюдо ко мне.

Я поморщился.

– Уже испортил себе аппетит, пока смотрел, как ты ешь.

– Все такой же привередливый, – заржал Берто. – А с виду и не скажешь!

Я налил себе из кувшина в кривой стакан, понюхал и поставил кружку. Такое пить стоило только если б хотелось поскорее снова повелителя мертвых увидеть.

Берто наблюдал за мной.

– Где пропадал? – спросил он.

– Выступал, – ответил я уклончиво.

Делец довольно улыбнулся.

– И много заработал? – спросил он.

– Зависит от того, сколько сегодня придется потратить.

Между столами прошла девушка с пустыми кружками. Берто проводил ее взглядом и снова повернулся ко мне.

– А у нас тебя до сих пор вспоминают, – сказал он.

Я удивленно поднял бровь.

– С благодарностью, надеюсь?

– Ага. Особенно кровельщики, – Берто заржал.

Я усмехнулся.

– Хоть кому-то принес пользу.

– Ты бы видел, что потом творилось! – Берто подался вперед, укладывая грудь на стол. – Старейшина орал, распорядитель клялся, что его не предупреждали о возможных последствиях. А новый лорд...

Он зажмурился от удовольствия.

– Что лорд? – лениво спросил я.

Я вспомнил этого напыщенного хлыща и поморщился. Мерзкий крысеныш.

– Говорят, нашли его возле сломанного помоста. Плащ застрял под бревном. Стоял, дергался, как козел на привязи. А через пару дней уехал. До сих пор не возвращался.

– За новым плащом на торг подался? – спросил я.

Берто расхохотался, обнажив золотой зуб.

– Может, и за ним! А, может, наскучила наша тихая провинция, и он подался в столицу в поисках приключений.

Толстяк продолжал рассказывать, кто сколько потерял во время урагана. Я слушал вполуха. С того вечера успел побывать в двух городках, сыграть на свадьбе, поссориться с заказчиком и переночевать в сарае, который хозяин постоянного двора почему-то называл отдельной комнатой.

Городской праздник давно выветрился из головы.

А вот струна не давала покоя.

Я дождался, когда Берто потянется за очередным куском, и спросил:

– Ты видел ее? Струну?

Рука приятеля замерла над блюдом.

– Видел, – делец враз стал серьезным. – Этими самыми глазами.

– В трезвом состоянии?

– Обижаешь!

Берто облизал пальцы.

– Серебристая, с зеленоватым отливом. В узком футляре, внутри черный-зеленый бархат. На концах крепления, каких я раньше не встречал. Работу видно сразу.

Я наклонился вперед.

– Метки? Клейма? – уточнил я, неожиданно перейдя на шепот.

Берто довольно улыбнулся, но не спешил говорить.

Я достал кошель и положил на стол. Зрачки у дельца расширились, ноздри раздулись. Запах денег он любил больше всего на свете.

– Три крошечных листа возле крепления, – сказал мой собеседник и обрисовал фигуру пальцем на грязной столешнице. – Один над другим. Средний повернут в другую сторону.

Я медленно выдохнул. Все совпадало.

Эльфийские струны попадались редко. Настоящие — еще реже. Обычно за них пытались выдать что-нибудь серебряное, блестящее и совершенно бесполезное.

– Кто владелец? – спросил я.

– Гаспар Вальт.

Имя ничего мне не говорило. Да я и не знал никого в этой части страны, кроме самого Берто.

Приятель заметил мое возбуждение и продолжил:

– Охотник за древностями. Раньше сам лазил по развалинам, теперь нанимает других. У него усадьба за городом, возле старой дороги. Ты, наверное, видел ворота с каменными собаками.

– Видел.

– У него в доме столько добра, – он потер ладони в предвкушении.

– Сколько хочет за струну? – спросил я.

Берто покачал головой.

– Деньги его не интересуют, – сказал он.

Я посмотрел на кошель, потом на приятеля.

– Надеюсь, это не заразно, – усмехнулся я.

– За меня не переживай! – Берто махнул пухлой ладонью. – Я себе не изменяю.

– И что же ему нужно? – спросил я.

– Спросишь сам, – приятель пожал плечами.

Я помолчал. Дело получалось интересным.

За соседним столом с грохотом упала кружка. Глиняные черепки разлетелись в разные стороны. Послышались брань и пьяный смех.

Я поморщился.

– Ренар, он знает, кто ты, – серьезно произнес Берто. – Когда я сказал, что ты ищешь эту вещь, он заинтересовался. Очень.

Мне не понравилось, как это прозвучало.

– Насколько же ему это интересно? – спросил я.

– Настолько, что он согласился принять нас в любой день. Да вот хоть сегодня!

Я открыл кошель.

Берто следил за моими руками, стараясь выглядеть равнодушным.

Я отсчитал монеты. Приятель потянулся к ним, но я накрыл деньги ладонью.

– Если струна окажется подделкой...

– Я похож на человека, который станет тебя обманывать? Мы сколько лет знакомы?

Я убрал руку.

Монеты исчезли со стола быстрее, чем я успел затянуть кошель.

Мне нужна была эта струна. Обычные не выдерживали того, что я собирался сыграть. Можно было менять их одну за другой, но впечатление уже было не то.

– Вальт коллекционирует все подряд? – спросил я, прикидывая, какую цену он может запросить.

– Он любит все, чего нет у остальных. С азартом скупает, меняется и не очень охотно расстается с интересными экземплярами.

Берто снова налил себе.

У соседнего стола возились трое. Один сидел на скамье, широко расставив ноги. Второй пытался разлить пиво по кружкам и больше попадал на стол. Третий, с багровым лицом, громко звал кого-нибудь убрать лужу и черепки от разбитой посуды.

Подошла поломойка с ведром.

Я отметил только серое платье и выцветшую косынку. Она опустила на колени, поставила ведро подальше от чужих сапог и принялась собирать тряпкой разлитое пиво.

Мужчина на скамье вытянул ногу, подставляя ей сапог под самый нос.

Девушка что-то сказала.

До меня долетел какой-то неприятный хрип, будто вилкой по стеклу скрежетали.

– Чего? – мужик наклонился к ней. – Ты говори, говори. Мы слушаем.

Его приятель заржал.

Поломойка попыталась передвинуть ведро.

Багровый ухватил ее за локоть. Девушка дернулась, ударила плечом о край стола.

– Руки убери, – донеслось до нас.

Голос был такой, будто кто-то скреб железом по камню.

Я поморщился и повернулся к Берто.

– А струну он как получил? – вернулся я к теме нашей беседы.

– Сказал, что привезли с побережья. Там после обвала открылось старое захоронение.

Звучало правдоподобно. Живых эльфов не видели уже лет триста.

Тем временем поломойка поднялась. Мужчина на скамье поймал край ее юбки и дернул на себя.

Девушка вырвала ткань и поспешила к кухне, прихватив ведро.

Вслед ей улюлюкнули.

Берто неодобрительно покачал головой.

– Сюда совсем перестали приличные люди ходить, – со вздохом сказал он.

Я посмотрел на него.

– Мы же здесь, – сказал я.

– Вот именно! – приятель рассмеялся.

Он допил пиво, встал и принялся поправлять камзол. Пуговица на животе держалась из последних сил.

– Поехали. У Вальта ужин будет не в пример этим помоям, – произнес он со вздохом.
Я покосился на очищенное блюдо.

– Я заметил, как ты страдал, – усмехнулся я.

– Я доел исключительно из вежливости. Ну и потому, что было уплочено.

Я поднял футляр.

Берто направился к выходу. Сзади снова захохотали, но разбираться, кто кого ущипнул на этот раз, мне было некогда.

На улице уже смеркалось.

После духоты таверны воздух показался холодным. Я расстегнул ворот и с удовольствием вдохнул.

Берто огляделся.

– Я за повозкой. Стой здесь.

– Ого! – только и сказал я.

Приятель свернул за угол, переваливаясь с ноги на ногу.

Я прислонился к стене.

До усадьбы должно быть недалеко. Если Вальт окажется сговорчивым, еще до ночи можно будет договориться. Если нет...

Я не любил заранее обдумывать такие случаи. Предпочитал следовать интуиции.

Над дверью тихо раскачивался фонарь, освещая выцветшую вывеску.

Где-то рядом хрипло вскрикнули. Я повернул голову.

В узком проходе между таверной и соседним домом, возились темные фигуры.

– Пустите! – голос был старческий, надсадный.

Проклятые пьяницы даже вечером не могли уgomониться. В проходе было темно, но я различил двух мужиков и сгорбленную женщину между ними. Ее дернули, она попыталась упереться ногами и снова закричала.

Я поморщился.

– Эй!

Мужчина у стены обернулся.

– Чего?

– У вас ничего святого? От старухи отстаньте!

В ответ раздался смех.

– Слышал? – Один хлопнул другого по плечу. – Старуха!

Женщина попыталась проскользнуть между ними, но ее поймали и толкнули обратно.

– Проходи, куда шел, – бросили мне. – Сами разберемся.

Я некоторое время смотрел на них.

Очень хотелось именно так и сделать.

Впереди ждал ужин, редкая струна и приятная беседа. Здесь же двое пьяных ублюдков и вопящая от ужаса старуха.

Выбор был очевиден.

Один из мужиков поднял руку и замахнулся.

Раздался звук удара. Женщина замолчала.

Я опустил футляр на край ступени.

– Вот ведь моры вас задери! – пробормотал себе под нос.

Замки тихо щелкнули, пальцы привычно нащупали рукоять.

Скрипка легла в ладонь, словно была продолжением меня. В свете фонаря дерево отличало темным багрянцем. Я проверил натяжение смычка и шагнул к проходу.

– Я, кажется, велел ее отпустить, – холодно сказал я.

Один из мужланов повернулся ко мне.

– А ты нам спой! – предложил он.

– У меня другая специальность, – я поднял скрипку к плечу.

Я коснулся смычком струн.

Первый звук вышел низким, тягучим.

Мужчина возле стены дернул головой. Второй перестал смеяться.

Я взял еще две ноты, коротко и резко.

Один из верзил попытался сделать шаг, но запутался в собственных ногах и упал плашмя.

– Ты чего? – спросил он в пустоту.

Я ускорил смычок.

У того, кто держал женщину, руки сами разошлись в стороны, будто он хотел кого-то обнять. Несчастная старуха упала на землю и ползком двинулась в сторону.

Теперь можно было не сдерживаться.

Мелодия подхватила пьяниц, заставляя двигаться все быстрее. Сапоги застучали по камням. Мужчины пытались остановиться, хватались друг за друга и только мешали.

– Веселее, – посоветовал я.

Первый рухнул на колено.

Его приятель налетел на него, растянулся поперек прохода и выругался так громко, что из окна второго этажа кто-то выглянул.

Я отвлекся. Смычок на мгновение оторвался от струн.

Этого хватило первому мужику для нового выпада. Он рванулся вперед, выставив руку, и я увидел в ней нож.

Я убрал скрипку от плеча, резко развернулся боком. Пьяница пролетел мимо, резанув пустоту.

Смычок лег поперек его запястья. Я слегка надавил и резко чиркнул по коже.

Мужчина взвыл. Нож звякнул о камни.

На этом можно было остановиться, но я не смог. Коленом пихнул в живот. Он сложился пополам.

Его приятель, видя, как обернулось дело, решил уползти.

Я не возражал.

За моей спиной сдавленно охнули.

Я обернулся, держа смычок наготове.

Женщина стояла у стены, прижимая ладонь ко рту.

Теперь свет фонаря выхватывал из темноты ее лицо.

Она не была старухой! Совсем молодая. Бледная, с огромными испуганными глазами и прилипшими к щекам волосами. Лиф платья разорван. На нижней губе кровь.

Ба! Да это же поломойка!

– Ты ранена? – спросил я.

Девушка замотала головой.

– Я...

Хриплый звук заставил меня невольно взглянуть на ее горло.

Теперь понятно, почему я принял ее за старуху.

– Говорить можешь?

Она пожала плечами, потом закашлялась.

Я вздохнул и убрал смычок.

– Идти сможешь?

Кивок.

Девица попыталась сделать шаг, но колени подкосились, и она едва не рухнула на мостовую.

Я успел поймать ее за локоть, прежде чем она ударилась лицом о камни.

– Врешь, – вздохнул я.

С улицы донесся стук колес и цокот копыт.

Из-за угла выехал легкий открытый экипаж.

– Я отошел на пять минут, – произнес Берто. – А ты уже влип в историю! Что здесь произошло?

Я оглянулся на лежащего мужика.

– Пришлось дать небольшое представление, – ответил я.

Берто посмотрел на девушку и брезгливо скривился.

– А это надо думать — восторженная фанатка?

Решение пришло мгновенно.

– Она поедет с нами, – сказал я.

– Нет, – отрезал Берто.

Я привычным жестом достал кошелек, достал пару монет и положил их рядом с жадным дельцом.

Берто немедленно спрятал деньги в кармане.

– Забирайся, – приказал я ей.

Она ухватила за край экипажа, но поднять ногу на ступеньку не смогла. Лицо исказилось от боли.

Я сунул смычок под ремень, взял ее за талию и почти закинул внутрь.

Она оказалась неожиданно легкой.

Девушка торопливо отодвинулась в угол и села, прижав колени друг к другу. Она не сопротивлялась и не спорила.

– Вот зачем тебе это? – спросил Берто вполголоса.

Я поднял скрипку.

– Сам еще не понял.

– Прекрасно. Просто прекрасно.

Я вернулся к ступени, убрал инструмент в футляр и проверил замки.

Один из пьяниц сидел на земле и держался за живот.

При моем приближении он поспешно отвел взгляд.

Я поднял футляр.

– Приятного вечера.

Ответа не последовало.

Когда я забрался в экипаж, девушка вздрогнула и прижалась к борту.

Берто тронул поводья.

Колеса загрохотали по камням.

Некоторое время ехали молча. Приятель сопел, лошадь мотала головой, девушка старалась не шевелиться.

Я посмотрел на ее руки.

Одна лежала на коленях. Вторая была сжата так крепко, что побелели костяшки.

– Все, – сказал я. – Их здесь нет.

Она медленно повернула ко мне голову.

Вблизи лицо выглядело еще моложе. На щеке проступал след от чужой ладони.

Я достал платок и протянул ей.

– Губу вытри.

Она взяла его после короткого колебания.

– Спасибо, – прошептала так хрипло, что Берто передернул плечами.

Я дождался, пока она осторожно промокнет кровь.

– Как тебя зовут?

Девушка сглотнула.

– Лирель.

Я наклонился ближе, чтобы расслышать.

Она повторила.

– Лирель? – переспросил я, она кивнула. – Хорошо. А я Ренар. Вот и познакомились.

Она посмотрела на футляр. Потом снова на меня.

– Я знаю... кто вы.

Я откинулся на спинку.

– Бродячий музыкант, – сказал я. – Надеюсь, ты любишь музыку.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.